

ГЛАВА Ш.

Декабристы.

Начало второй четверти XIX-го вѣка ознаменовалось цѣлымъ рядомъ событій громадной важности, цѣлымъ рядомъ переворотовъ. 1825 годъ является гранью, рубежомъ, съ котораго беретъ свое начало новая политическая система, новая государственная эпоха; это годъ неудачной попытки политическаго переворота, и годъ кореннаго переворота литературнаго; это годъ конца борьбы съ литературнымъ мѣщанствомъ и начала борьбы съ мѣщанствомъ жизни, мѣщанствомъ этическимъ; это, наконецъ, годъ гибели революціоннаго романтизма и романтическаго либерализма, годъ разгрома и гибели всей лучшей части русской интеллигенціи, и годъ зарожденія новаго зерна интеллигенціи, принесшаго вскорѣ такіе богатые плоды.

Карамзинъ знаменуетъ собою, какъ мы имѣли случай замѣтить, регрессивное движеніе въ области интеллектуальной эволюціи русской интеллигенціи; но мы видѣли, что ему же принадлежитъ заслуга созданія новыхъ кадровъ этой интеллигенціи. Соціальные и политико-экономическіе запросы Радищева и вообще всей группы интеллигенціи шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ XVIII-го вѣка казались слишкомъ мудреными широкому слою сентименталистовъ начала XIX-го столѣтія; но въ этомъ широкомъ слоѣ немедленно произошла дифференціація. Мало-по-малу сталъ концентрироваться тѣсный кружокъ лицъ, которыя соединили «гуманитетъ» сентиментализма съ глубокимъ интересомъ къ общественнымъ, экономическимъ, политическимъ и правовымъ проблемамъ. Отъ Радищева и Новикова черезъ Пнина и дѣятелей перваго десятилѣтія XIX-го вѣка къ декабристамъ, дѣятелямъ двадцатыхъ годовъ (1816—1825 гг.), можетъ быть установлена тѣсная

идейная связь и преемственность; Радищевъ подаетъ руку Рылѣву, общественный сентиментализмъ перваго роднится съ революціоннымъ романтизмомъ втораго, а Карамзинъ, со своей философіей постепенства, малыхъ дѣлъ и самосовершенствованія, стушевуется въ послѣднихъ рядахъ русской интеллигенціи. Интересно отмѣтить однако то революціонирующее вліяніе, которое оказалъ на декабристовъ и вообще на все русское общество Карамзинъ, самъ того не желая, IX-мъ томомъ своей «Исторіи», появившимся въ 1821 г. и посвященнымъ разсказу о царствованіи Іоанна Грознаго; фактъ этотъ констатируютъ въ своихъ воспоминаніяхъ сами декабристы. Точно также сами они указываютъ на идейную преемственность между собою, поколѣніемъ Пнина и интеллигенціей XVIII-го столѣтія — Новиковымъ, Радищевымъ, масонами; декабристъ баронъ Штейнгель, въ своемъ письмѣ (11 янв. 1826 г.) къ Николаю I изъ Петропавловской крѣпости, указываетъ на значеніе Новикова для «просвѣщенія Россіи» и говоритъ, что ученики и послѣдователи Новикова «первые явились на сценѣ, когда при началѣ царствованія въ Бозѣ почившаго государя открылось вождельнное намѣреніе его просвѣтить Россію и уничтожить въ ней рабское состояніе». Нѣкоторые изъ этихъ людей, какъ, на примѣръ, Пнинъ, рано сошли со сцены; другіе, подобно Н. И. Тургеневу, послужили живой связью не только между интеллигенціей XVIII-го вѣка и декабристами, но даже между этой интеллигенціей новиково-радищевского кружка и поколѣніемъ начала шестидесятыхъ годовъ XIX-го вѣка (Н. Тургеневъ родился въ 1789 г., а умеръ въ 1871 г.). Радищевъ и Чернышевскій! Эти два имени, раздѣленные почти столѣтіемъ, связаны между собою тѣсно, чѣмъ это можно было бы думать; живымъ мостомъ между ними является Н. Тургеневъ, на замѣчательной личности котораго мы скоро остановимся.

Итакъ, преемственная связь декабристовъ съ интеллигенціей XVIII-го вѣка устанавливается ими же самими; сами они устанавливаютъ также и свою связь съ масонствомъ. Мы уже говорили (гл. I), что даже въ XVIII-мъ вѣкѣ не пользовалась особеннымъ успѣхомъ та группа русскаго масонства, которая обращала главное вниманіе на внѣшнюю, обрядовую сторону и пыталась быть мистической; типичные реалисты, русскіе масоны въ общемъ никогда не были романтиками по типу міропониманія и мистиками; съ еще большимъ правомъ это можно повторить о декабристахъ. Весь официальный мистицизмъ этой эпохи, проповѣдь Татариновой и Крюднеръ, совершенно не коснулись декабристовъ, и прошли мимо русскаго общественнаго движенія и русской интеллигенціи; напротивъ, декабристы нахо-

дились въ явной враждѣ со всей этой официальной мистикой: укажемъ, напримѣръ, на рѣзкое осужденіе этого «періода мистицизма» Штейнгелемъ, въ его вышеотмѣченномъ письмѣ. Тщетными остались поэтому и всѣ попытки направить глубокое общественное теченіе двадцатыхъ годовъ по старому масонски-обрядовому руслу. Многіе декабристы прошли черезъ масонство — достаточно указать хотя бы на Пестеля, который между 1812 и 1817 гг. принадлежалъ сначала къ масонской ложѣ «Les amis reunis», а затѣмъ къ ложѣ «Трехъ добродѣтелей» (см. его показанія отъ 22 дек. 1825 г.) и находился подъ вліяніемъ племянника-Новикова. Подъ вліяніемъ Пестеля масонскія формы были усвоены и первымъ обществомъ декабристовъ—Союзомъ Спасенія, но попытка оказалась тщетной и масонскія формы были ближайшимъ поводомъ разложенія Союза Спасенія,—такъ по крайней мѣрѣ утверждаетъ въ своихъ «Запискахъ» такой компетентный свидѣтель, какъ кн. С. П. Трубецкой. Когда изъ Союза Спасенія родился Союзъ Благоденствія, то многіе его члены — говоритъ Якушкинъ — «были ревностные масоны; они привыкли въ ложахъ разыгрывать безсмыслицу, нисколько этимъ не смущаясь, и имъ желалось нѣкоторый порядокъ масонскихъ ложъ ввести въ Союзъ Благоденствія» («Записки», стр. 25). Уже по одному тону этого отзыва Якушкина можно судить объ отношеніи большинства декабристовъ къ подобной затѣѣ; и Пестель уже съ 1817 года смотрѣлъ съ усмѣшкой на «игрушки прежнихъ лѣтъ», по его выраженію. Связь съ масонствомъ у декабристовъ была не внѣшняя, и родоначальницей «декабризма» была не елагинская система русскаго масонства; декабристы были связаны общностью цѣлей и идеаловъ съ московскими розенкрейцерами мартинистами — съ Новиковымъ, Радищевымъ и ихъ группой. Была внутренняя идейная связь, но не было и не могло быть тождественности внѣшнихъ формъ; между Новиковымъ съ одной стороны и Пестелемъ или Н. Тургеневымъ съ другой лежалъ цѣлый періодъ громадной важности для русскаго самосознанія — періодъ національныхъ и освободительныхъ войнъ.

Новыя птицы — новыя пѣсни, и пѣсни во всякомъ случаѣ непохожія на тѣ, которыя щебеталъ на четверть вѣка ранѣе авторъ «Писемъ русскаго путешественника». Въ 1790 г. онъ восхищался въ Европѣ прелестной Натурою, плакалъ «отъ умиленія и щастія» въ горахъ швейцарскихъ, лобызалъ берегъ зеленого Рейна и пренебрежительно смотрѣлъ на какую-то тамъ французскую революцію; четверть вѣка спустя воспитанное на его «Письмахъ» поколѣніе вернулось послѣ трехлѣтнихъ скитаній по Европѣ съ совершенно иными впечатлѣніями

и чувствами. «Кампаніи 12-го года и послѣдующихъ 13 и 14 гг.—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ князь С. Г. Волконскій—...сблизили насъ съ Европой, съ установленіями ея, порядкомъ управленія и народными гарантіями; противоположность нашего государственнаго быта, ничтожество нашихъ народныхъ правъ, скажу, гнетъ нашего государственнаго управленія — рѣзко выказались уму и сердцу многихъ»... («Записки», гл. XLV). И всѣ декабристы единогласно подтверждаютъ такое показаніе кн. Волконскаго. «Пребываніе цѣлый годъ въ Германіи и потомъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Парижѣ не могло не измѣнить воззрѣнія хоть сколько-нибудь мыслящей русской молодежи; при такой огромной обстановкѣ каждый изъ насъ сколько-нибудь выросъ»—пишетъ Якушкинъ, отмѣчая, что по окончаніи освободительныхъ войнъ русской интеллигентной молодежи «было невыносимо смотрѣть на пустую петербургскую жизнь и слушать болтовню стариковъ, выхваляющихъ все старое и порицающихъ всякое движеніе впередъ; мы ушли отъ нихъ на сто лѣтъ впередъ» («Записки», стр. 2—4). Это интересное мѣсто изъ воспоминаній Якушкина объясняетъ намъ типъ Чацкаго и его прототипъ—Чаадаева, на которыхъ мы еще остановимся; оно объясняетъ намъ, что «декабризмъ» (какъ для краткости мы позволимъ себѣ условно обозначить идейное теченіе двадцатыхъ годовъ) былъ одновременно и борьбой за свободу личности, и борьбой съ мѣщанствомъ «пустой жизни»; мы еще увидимъ, что идеологомъ декабризма въ послѣднемъ отношеніи долженъ считаться Грибоѣдовъ. Но о борьбѣ съ этическимъ мѣщанствомъ, въ которой застрѣльщикомъ явился авторъ «Горе отъ ума», мы скажемъ въ слѣдующей главѣ; теперь же остановимся главнымъ образомъ на томъ вліяніи заграничной «огромной обстановки», о которомъ мы уже слышали слова и Якушкина и Волконскаго. Одинъ изъ главарей декабристовъ, Никита Муравьевъ, въ своемъ показаніи на слѣдствіи указалъ, какое впечатлѣніе произвели на него—и не на одного его—«прокламаціи союзныхъ державъ въ 1813 г., предлагавшія народамъ Германіи представительное правленіе вмѣсто награды за ихъ усилія»... И Каховскій, въ первомъ изъ своихъ замѣчательныхъ писемъ (отъ 24 февр. 1826 г.), написанныхъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ, вспоминаетъ о войнѣ 1813—1814 гг., которую вели «всѣ народы Европы, призванные монархами, воспламененные воззваніемъ къ свободѣ и гражданскому бытію... Свободу проповѣдовали намъ и манифесты, и воззванія, и приказы! Насъ манили, и мы, добрые сердцемъ, повѣрили, не щадили ни крови своей, ни имуществъ»... — и получили въ награду реакціонный Священный Союзъ трехъ императоровъ, этотъ «союзъ королей противъ наро-

довъ», по выраженію Н. Тургенева. «Тогда-то — пишетъ императору Николаю изъ крѣпости декабристъ Бестужевъ-Марлинскій—стали говорить военные: для того ли освободили мы Европу, чтобы наложить ея цѣпи на себя? для того ли дали конституцію Франціи, чтобы не смѣть говорить о ней..?»

Одно время можно было впрочемъ предполагать, что русское общество находится наканунѣ политической реформы сверху: Польшѣ дана была конституція, и въ своей рѣчи при открытіи въ 1818 г. перваго сейма Александръ I заявилъ, что и Россія получить конституцію, «когда достигнуть необходимаго развитія основы столь важнаго дѣла». Рѣчь эта, по замѣчанію уже цитированнаго нами Штейнгеля, была напечатана въ русскихъ газетахъ и «польстила надеждѣ либераловъ», но въ общемъ была принята русской интеллигенціей холодно и далеко не такъ, какъ это ожидалось свыше: интеллигенція къ этому времени разочаровалась въ возможности получить политическую реформу и сознала, что ее можно только добыть. Пушкинъ въ ядовитой эпиграммѣ «Noël» высмѣялъ тѣхъ довѣрчивыхъ либераловъ, которые повѣрили въ политическую реформу сверху.

... Отъ радости въ постелѣ
Запрыгало дитя:
«Неужто въ самомъ дѣлѣ?
Неужто не шутя?»..

Въ отвѣтъ мать совѣтуетъ наивному дитяти:

«... бай-бай,
Закрой свои ты глазки!
Пора уснуть бы, наконецъ,
Послушавши, какъ царь-отецъ
Разсказываетъ сказки»...

Скептицизмъ этотъ очень скоро оказался вполне соответствующимъ дѣйствительности—начиналось время аракеевщины; русской интеллигенціи мало-по-малу становилось яснымъ, что политической реформы нельзя будетъ добиться безъ политическаго переворота. Мысль эта напрашивалась сама собою, стоило только обратиться къ исторіи западной Европы и къ періоду той освободительной войны, которая имѣла такое развивающее вліяніе на русскую интеллигенцію. Пестель очень ясно выразилъ эту мысль и обрисовалъ типичный путь ея развитія; и то, что онъ говоритъ о себѣ, мы можемъ распространить на всѣхъ декабристовъ. «Происшествія 1812, 13, 14 и 15 гг., равно какъ предшествовавшихъ и послѣдовавшихъ временъ—пишетъ Пестель въ своемъ

слѣдственномъ показаніи — показали столько престоловъ низвержен-ныхъ, столько другихъ постановленныхъ, столько царствъ уничтожен-ныхъ, столько новыхъ учрежденныхъ, столько царей изгнанныхъ, столько возвратившихся или призванныхъ, и столько опять изгнан-ныхъ, столько революцій совершенныхъ, столько переворотовъ произ-веденныхъ, что всѣ сіи происшествія ознакомили умы съ революціями, съ возможностями и удобствами оныя производить. Къ тому же имѣеть каждый вѣкъ свою отличительную черту. Нынѣшній ознаме-новывается революціонными мыслями... «Возвращеніе Бурбонскаго дома на французскій престоль и соображенія мои впослѣдствіи о семъ про-исшествіи—показываетъ Пестель въ другомъ мѣстѣ—могу я назвать эпохою въ моихъ политическихъ мнѣніяхъ, понятіяхъ и образѣ мыслей: ибо началъ разсуждать, что большая часть коренныхъ постановленій, введенныхъ революціею, были при реставраціи монархіи сохранены и за благія вещи признаны, между тѣмъ какъ всѣ возставали противъ революціи и я самъ всегда противъ нея возставалъ. Отъ сего сужде-нія породилась мысль, что революція видно не такъ дурна, какъ гово-рятъ, и что можетъ даже быть весьма полезна, въ каковой мысли я укрѣплялся тѣмъ другимъ еще сужденіемъ, что тѣ государства, въ коихъ не было революціи, продолжали быть лишенными подобныхъ преимуществъ и учреждений. Тогда начали... во мнѣ рождаться, почти совокупно, какъ конституціонныя, такъ и революціонныя мысли. Кон-ституціонныя были совершенно монархическія, а революціонныя были очень слабы и темны. Мало-по-малу стали первыя опредѣлительнѣе и яснѣе, а вторыя сильнѣе... И таковъ былъ въ общихъ чертахъ путь, совершенный всей русской интеллигенціею двадцатыхъ годовъ, таковъ былъ путь народненія тѣхъ тайныхъ обществъ двадцатыхъ годовъ, которыя привели русскую интеллигенцію къ попыткѣ воору-женнаго возстанія 14-го декабря 1825 г.

Исторія возникновенія и развитія тайныхъ обществъ двадцатыхъ годовъ не входитъ въ нашу задачу; эту внѣшнюю сторону исторіи русской интеллигенціи мы затрогиваемъ только мимоходомъ. Какъ извѣстно, въ началѣ 1817 года образовалось первое изъ этихъ обществъ, «Общество истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества», болѣе извѣстное подъ именемъ «Союза Спасенія», наиболѣе видными изъ членовъ ко-торога были Никита Муравьевъ и Пестель, послѣдній изъ которыхъ составилъ и уставъ общества. Уставъ этотъ, къ сожалѣнію недошед-шій до насъ, составленъ былъ, по словамъ самого Пестеля, «въ духѣ масонскихъ учреждений, формъ и клятвъ»; мы уже отмѣтили, что эти масонскія формы сыграли извѣстную роль въ дѣлѣ быстрого разло-

- 74 -

женія только-что сложившагося общества. Старыя, отжившія формы помѣшали Обществу Сыновъ Отечества развить положенное въ его основу глубоко дѣйственное и жизненное содержаніе. «Первоначальное намѣреніе общества—сообщалъ Пестель на одномъ изъ первыхъ допросовъ—было освобожденіе крестьянъ», то-есть та социальная реформа, о которой тщетно взывали всѣ представители русской интеллигенціи, начиная съ Новикова и Радищева. Однако эта мысль о необходимости коренной *соціальной* реформы составляла только одну сторону вопроса, занимавшаго русскую интеллигенцію двадцатыхъ годовъ; другой стороной вопроса была идея о необходимости коренной *политической* реформы; первая идея несомнѣнно предшествовала второй, преемственно перейдя къ людямъ двадцатыхъ годовъ отъ интеллигенціи XVIII-го вѣка. Цѣлью работы интеллигенціи двадцатыхъ годовъ несомнѣнно было уничтоженіе крѣпостного права, когда стало ясно, что цѣль эта совершенно недостижима безъ предварительнаго уничтоженія политическаго рабства и безправія въ Россіи, то ближайшей цѣлью была поставлена политическая реформа; на послѣднюю было устремлено все вниманіе декабристовъ, начиная еще со времени Союза Спасенія. Это достаточно ясно хотя бы изъ слѣдующаго вопроса слѣдственной комиссіи Пестелю и отвѣта послѣдняго: *Вопросъ.* Въ разсужденіи цѣли начальнаго общества (т.-е. Союза Спасенія) члены говорятъ различно: одни, что она была введеніе Монархическаго Конституціоннаго Правленія, другіе—освобожденіе крестьянъ отъ крѣпости, нѣкоторые же—просто введеніе новаго порядка вещей. Поясните, въ чемъ именно заключалась настоящая цѣль перваго общества? *Отвѣтъ.* Настоящая цѣль перваго общества была введеніе Монархическаго Конституціоннаго Правленія; а одно освобожденіе крестьянъ отъ крѣпости было цѣлью при самомъ первомъ началѣ и весьма короткое время; но вмѣстѣ съ принятіемъ устава объ устройствѣ общества принята и цѣль Конституціи»... Итакъ, силою обстоятельствъ, еще въ Союзѣ Спасенія первоначальная и основная цѣль—социальная реформа—была отодвинута на второй планъ, а на первый планъ выступила реформа политическая, сдѣлавшись изъ средства (чѣмъ она была первоначально)—цѣлью.

Союзъ Спасенія разложился не только вслѣдствіе своихъ архаическихъ формъ, но и по болѣе глубокимъ внутреннимъ причинамъ: русское общество въ тѣ года (1816—1817) еще не было достаточно оппозиціонно, чтобы Союзъ Спасенія могъ разсчитывать на сильный ростъ и на притокъ новыхъ членовъ: это было время, когда еще весьма многіе (впослѣдствіи дѣятельнѣйшіе революціонеры-декабристы)

обольщали себя надеждою на реформы свыше. Надо было открыть глаза этимъ многимъ, нужна была пропаганда, нужно было расширить кадры возможныхъ сочленовъ; такую пропагандистскую роль, быть можетъ помимо своей воли, сыгралъ прежде всего Союзъ Благоденствія, образовавшійся въ томъ же 1817 г. на развалинахъ Союза Спасенія. Конечно, само правительство скоро заставило «добрыхъ сердцемъ» перестать обольщаться надеждами; «событія—замѣчаетъ Н. Тургеневъ—говорили сами за себя, громче всякой человѣческой рѣчи; это была настоящая пропаганда»; но не дремали и декабристы: они прекрасно понимали необходимость настоящей пропаганды своихъ идей, и недаромъ Никита Муравьевъ уже въ 1823 г. говорилъ Поджіо: «nous commencerons absolument par la propagande». Тѣмъ болѣе нужна была пропаганда идей декабристовъ въ 1817 г., и Союзъ Благоденствія блестяще выполнилъ эту роль. Только съ такой точки зрѣнія понятно внезапное суженіе программы новаго Союза по сравненію со старымъ: вмѣсто стремленія къ политической реформѣ — «филантропическая» задача распространенія «просвѣщенія, благотворительности и нравственности» (изъ показаній декабриста Бурцова), вмѣсто социальной реформы — «нравственное усовершенствованіе cadaго изъ членовъ» («Воспоминанія» декабриста кн. Оболенскаго). Кромѣ того, въ уставѣ новаго Союза выражалась даже «надежда на доброжелательство правительства» и совершенно обходился молчаніемъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, чѣмъ былъ между прочимъ искренно «опечаленъ и пораженъ» Н. Тургеневъ, по его собственнымъ словамъ (см. его «La Russie et les Russes», I, 79 — 80 и 100); но, конечно, и то и другое сыграло громадную роль для расширенія и роста новаго Союза. Разумѣется, это выяснилось только впоследствии, а въ моментъ своего возникновенія Союзъ Благоденствія отнюдь не задавался цѣлью привлечь къ себѣ возможно большее число членовъ возможной узостью своей программы: онъ bona fide пытался быть связующимъ центромъ всѣхъ «добрыхъ сердцемъ» либераловъ и волей-неволей сталъ притягивающимъ оппозиціоннымъ центромъ. «Нравственное усовершенствованіе cadaго изъ членовъ» — что могло быть старѣе и шаблоннѣе этой тысяча первой вариации на знакомыя намъ слова: «любезные сограждане! перестанемъ быти злыми»...; и однако эта старая вариация привлекла въ Союзъ Благоденствія десятки новыхъ членовъ. «Трудно было устоять противъ обаяній Союза, котораго цѣль была нравственное усовершенствованіе cadaго изъ членовъ» — отмѣчаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ кн. Оболенскій. Съ этого начиналось дѣло; многіе,

подобно Оболенскому, Бурцову и др., вступали въ Союзъ Благоденствія только какъ въ своего рода масонскую ложу «перфектибилитовъ» (улучшателей или совершенствователей), и, по мѣрѣ развитія Союза, оказывались въ центрѣ оппозиціоннаго движенія. Союзъ Благоденствія оказался своеобразной переходной ступенью отъ этики къ политикѣ, отъ идей перфектибилитизма къ политическимъ идеаламъ. Какъ извѣстно, образцомъ для Союза Благоденствія послужилъ нѣмецкій Союзъ Добродѣтели, Tugendbund (уставы ихъ почти тождественны), но очень скоро Союзъ Благоденствія далеко отошелъ и отъ своего образца, и отъ своего устава (такъ называемой «Зеленой Книги»).

Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ все сильнѣе и сильнѣе въ Союзѣ этика вытѣснялась политикой. Прежде всего этому способствовало само правительство, постепенно переходившее къ самой необузданной реакціонности; вслѣдствіе этого въ Союзъ вступали новые уже вполне революціонно настроенные члены. Образъ дѣйствія правительства былъ, какъ отмѣчалъ еще Н. Тургеневъ, лучшей пропагандой революціонныхъ идей; мало-по-малу всѣ возложившіе свои надежды на «доброжелательство правительства» и самые «добрые сердца» либералы поняли, что политическую и социальную реформу можно только добыть силой—и Союзъ Благоденствія изъ Тugendbunda дѣлается революціонной организаціей. Этотъ переходъ свершался постепенно въ теченіе 1818—1821 гг. Подъ вліяніемъ надвигающейся аракеевщины и энергичныхъ рѣчей Пестеля уже въ началѣ 1820 г. въ Союзѣ ставится вопросъ о республиканской формѣ правленія и служить поводомъ къ расколу среди его членовъ. Въ началѣ 1821 г. этотъ расколъ выливается въ формы распада Союза Благоденствія, или, вѣрнѣе, раздѣленія его. На сѣздѣ членовъ Союза рѣшено было самоупраздниться; это рѣшеніе особенно поддерживали члены въ родѣ Бурцова, недовольные развитіемъ въ Союзѣ политики за счетъ этики. Когда эти члены вышли изъ организаниіи вслѣдъ за упраздненіемъ Союза, то немедленно, въ томъ же 1821 году, оставшіеся члены сьорганизовались въ новое общество, уже всецѣло политическое и ярко революціонное: теперь тактикой былъ объявленъ «революціонный способъ дѣйствія», а основнымъ пунктомъ программы—«республиканское правленіе» (показанія Пестеля). Интересно отмѣтить, что по убѣжденію Пестеля «симъ не новая цѣль вводилась, но старая, прежде уже принятая, продолжалась»; это показываетъ, что по мѣрѣ роста Союза Благоденствія уставъ его («Зеленая Книга») обращался въ мертвую букву и изъ мирно-добродѣтельнаго становился революціоннымъ. Этимъ

какъ мы отмѣтили, объясняется и выходъ части членовъ изъ Союза Благоденствія, который мало-по-малу пересталъ быть Тугендбундомъ, а становился тайнымъ обществомъ политическихъ заговорщиковъ, не даромъ одинъ изъ декабристовъ, В. Давыдовъ, иронически заявилъ слѣдственной комиссiи: «я членъ не Тугендбунда, а просто бунта»...

Такъ образовались на мѣстѣ мнимо-упраздненнаго Союза Благоденствія революціонныя общества—Южное, съ Пестелемъ во главѣ, и Сѣверное, руководимое Никитою Муравьевымъ. Оба эти общества были, выражаясь современной терминологіей, ярко бланкистскаго типа; это былъ кружокъ заговорщиковъ, увѣренный, что революцію двигаютъ отдѣльныя личности и что отъ степени искусства одного рулевого зависитъ все направленіе государственнаго корабля. Декабристы склонны были переоцѣнивать роль личности въ исторiи. «Найдись у насъ десять человекъ истинно благомыслящихъ и вмѣстѣ даровитыхъ, все приняло бы другой видъ»—писалъ одинъ изъ декабристовъ, М. Орловъ, въ 1819 году; Пестель уже передъ самымъ декабрьскимъ возстаніемъ заявлялъ еще болѣе рѣшительно «la masse n'est rien, elle ne sera que ce que voudront les individus qui sont tout». При такомъ взглядѣ на значеніе личности декабристы были въ правѣ вѣрить въ возможность кореннаго политическаго и социальнаго переворота при наличности дѣйствительно не болѣе десятка «истинно благомыслящихъ и вмѣстѣ даровитыхъ» людей. Они вѣрили въ свои силы и такъ или иначе готовились къ предстоящему перевороту; одни, какъ Пестель, подготовляя въ теченіе долгихъ лѣтъ Наказъ для временнаго правленія; другіе—не думая много о будущемъ, не желая измѣнить настоящее, увѣренные (по позднѣйшему выраженію Бестужева-Марлинскаго), что «творить — божественно, но и разрушать — тоже божественно; разрушеніе—тукъ для новой лучшей жизни»... Эта фраза, въ послѣдствіи почти дословно повторенная Бакунинымъ и въ его устахъ ставшая знаменитой («Die Lust der Zerstörung ist eine schaffende Lust»), является если и не характерной для большинства декабристовъ, то во всякомъ случаѣ имѣвшей значеніе въ исторiи развитія идей тайныхъ обществъ, задачей которыхъ было разрушеніе стараго для постройки на его развалинахъ новаго социальнаго-политическаго строя. Южное и Сѣверное общества пытались не только поставить эту задачу, не только творчески выработать ея основанія, но и активно рѣшить ее и провести это рѣшеніе въ жизнь. Творчество новыхъ формъ и идеаловъ и активное проведеніе ихъ въ жизнь въ направленіи къ общественному и личному освобожденію—всѣ эти основные

признаки интеллигенціи, о которыхъ у насъ шла рѣчь во Введеніи, мы находимъ и у декабристовъ; мы знаемъ также, что этически они были группой анти-мѣщанской, а социологически—преемственной группой, тѣсно связанной идейно съ интеллигенціей XVIII-го вѣка. Но были ли декабристы группой *внѣклассовой* и *внѣсословной*? Мы вѣдь знаемъ, что именно таковы два основныхъ социологическихъ признака интеллигенціи.

Для того, чтобы правильно отвѣтить на этотъ вопросъ, надо прежде всего указать, что до сихъ поръ мы вполне условно говорили о декабристахъ, какъ объ единомъ цѣломъ, какъ объ идейно сплоченной единой группѣ. Слишкомъ очевидно, что среди русскихъ интеллигентовъ-оппозиціонеровъ двадцатыхъ годовъ, условно называемыхъ «декабристами», число которыхъ (такъ или иначе прикосновенныхъ къ обществамъ) доходило, по предположенію Николая I-го, до шести тысячъ, были и не могли не быть самые различные идейные и нравственные типы, самыя различныя побужденія и цѣли. Обо всей этой толпѣ рядовыхъ декабристовъ—мы не говоримъ; были они или нѣтъ представителями интеллигенціи—этого вопроса мы не касаемся. *Non multa, sed multum*; мы уже заявляли, что наше опредѣленіе интеллигенціи, повышая качественно ея цѣнность, количественно значительно ее суживаетъ; поэтому можетъ быть окажется, что изъ всѣхъ декабристовъ въ группу русской интеллигенціи двадцатыхъ годовъ входило всего два-три десятка дѣйствительно внѣклассовыхъ и внѣсословныхъ борцовъ за идею.

Мы уже видѣли, что русская интеллигенція XVIII-го вѣка впервые счумѣла выйти изъ узкихъ сословно-классовыхъ рамокъ: будучи сословно-классовой по составу, она шла однако противъ своихъ дворянско-землевладѣльческихъ интересовъ и была глубоко внѣклассовой и внѣсословной по своимъ цѣлямъ и идеаламъ. Освобожденіе крестьянъ въ ту эпоху да и вообще во всякую было бы началомъ конца для дворянъ-землевладѣльцевъ; и неоспоримо права была Екатерина II въ своей злобно-иронической фразѣ по адресу Радищева и его «Путешествія»: «уговариваетъ помѣщиковъ освободить крестьянъ, да никто не послушаетъ»... Люди, которые шли на это, дѣйствовали и могли дѣйствовать только во имя внѣсословныхъ и внѣклассовыхъ идеаловъ.

То же самое надо повторить въ общемъ и о декабристахъ. Отдѣльныхъ изъ нихъ—и даже такихъ, какъ Каховскій и Бестужевъ-Марлинскій—могли побуждать сословные и личные интересы; но обобщать это на всѣхъ декабристовъ было бы ошибкою. Бестужевъ

откровенно заявляетъ въ своемъ уже цитированномъ нами письмѣ, что онъ склонялся «къ монархіи, аристократіею умѣренной» и что при этомъ «не былъ чуждъ честолюбію» («я считалъ себя, конечно, не хуже Орловыхъ временъ Екатерины»...). Каховскій въ своемъ тоже цитированномъ нами письмѣ еще откровеннѣе вскрываетъ двигавшія имъ сословныя побужденія. Онъ заявляетъ, что дворянство оскорблено произволомъ губернаторовъ, что помѣщикамъ отяготительна дорожная повинность, что у дворянъ несправедливо отнято право куренія вина, что дворяне обижены тѣмъ предпочтеніемъ, которое правительство оказываетъ всѣмъ иностранцамъ и т. п.; «возстаніе 14-го декабря — заключаетъ онъ — есть слѣдствіе причинъ, мною изложенныхъ»... Куда же дѣвалась въ этомъ перечнѣ крѣпостная зависимость крестьянъ? и какое отношеніе имѣютъ обиды мелкопомѣстнаго дворянства (къ которому принадлежалъ Каховскій) къ заговору и возстанію, нашедшему благодарную почву среди родовой аристократіи и крупнаго землевладѣльчества? Причины, выставляемыя Каховскимъ, объясняютъ намъ, въ лучшемъ случаѣ, почему среди декабристовъ находились и мелкопомѣстные дворяне — онъ, Рылѣевъ, Якушкинъ и др., если предположить, что они примкнули къ революціонному движенію исключительно по сословно-классовымъ побужденіямъ; но онѣ не объясняютъ намъ возможности 14-го декабря.

Какова должна была бы быть идеологія декабристовъ, еслибъ движеніе это было сословнымъ и классовымъ?

Если бы декабризмъ былъ сословно-классовымъ теченіемъ, то характернѣйшимъ идеологомъ его являлся бы знаменитый рыцарь безъ страха и упрека — какъ его называлъ Пушкинъ — графъ Мордвиновъ. Ограниченіе самодержавной власти монарха сильной родовой аристократіей и политическія реформы при сохраненіи основъ крѣпостнаго права — вотъ исходные пункты программы Мордвинова; но это программа діаметрально противоположная декабризму въ его конечномъ проявленіи. Правда, мы увидимъ, что многіе декабристы примыкали къ нѣкоторымъ изъ указанныхъ выше положеній Мордвинова, а особенно къ его идеалу сильной родовой аристократіи, умѣряющей самодержавіе (мы увидимъ, что этимъ идеаломъ прельстился впоследствии даже Пушкинъ); но нельзя затушевать того факта, что въ центральномъ вопросѣ — вопросѣ соціальной реформы — декабристы совершенно расходились съ Мордвиновымъ и шли условно противъ своихъ же классовыхъ интересовъ. Радищевъ взывалъ къ помѣщикамъ объ освобожденіи крестьянъ, — «да никто не послушаетъ!» со злорадствомъ отвѣтила на это Екатерина II; теперь

декабристы всецѣло отдались работѣ, направленной «къ новому устройству въ государствѣ... и къ освобожденію крѣпостныхъ людей, каковыя перемены могли не нравиться (слѣдовало бы сказать — не могли нравиться дворянству» — и уже однимъ этимъ декабристы разрывали связь со всей массой землевладѣльческаго дворянства, которое и теперь, конечно, не послушало бы призыва декабристовъ. «Всѣ почти помѣщики — вспоминаетъ про ту эпоху Якушкинъ — смотрѣли на крестьянъ своихъ какъ на собственность, вполне имъ принадлежащую, и на крѣпостное состояніе какъ на священную старину, до которой нельзя было коснуться безъ потрясенія самой основы государства. По ихъ мнѣнію, Россія держалась однимъ только благороднымъ сословіемъ, а съ уничтоженіемъ крѣпостного состоянія уничтожалось и самое дворянство» («Записки», стр. 18). И конечно, эти крѣпостники-дворяне были въ послѣднемъ совершенно правы: освобожденіе крестьянъ въ любую эпоху, въ 1790-мъ, въ 1825-мъ, или въ 1861-мъ году — безразлично, должно было явиться началомъ конца для дворянскаго сословія. Можно доказывать, что наиболѣе развитая часть помѣщиковъ-дворянъ — на примѣръ, декабристы — должна была видѣть всю выгоду для дворянъ уничтоженія крѣпостного права; но всю ошибочность этой мысли лучше всего показываетъ всероссійское помѣщичье разореніе послѣ 19 февр. 1861 г. и постепенное разложеніе дворянства, продолжающееся и до нашихъ дней. Однако, этой мыслью декабристы дѣйствительно пользовались, какъ наиболѣе удобной для проведенія въ сословно-классовое сознаніе массы дворянства возмутительной для него идеи освобожденія крестьянъ. Когда въ 1817 г. крестьяне прибалтійскихъ губерній были освобождены (безъ земли) отъ крѣпостной зависимости, и когда стали носиться слухи, что эту же мѣру Александръ I думаетъ примѣнить и въ Россіи, то почти всѣ дворяне-помѣщики были враждебны такому предположенію; члены союза Благоденствія — вспоминаетъ кн. Трубецкой — прилагали всѣ усилія для «общаго убѣжденія въ необходимости этой мѣры. Должно было представить помѣщикамъ, что рано или поздно крестьяне будутъ свободны, что гораздо полезнѣе помѣщикамъ самимъ ихъ освободить, потому что тогда они (помѣщики) могутъ заключить съ ними выгодныя для себя условія»... («Записки», стр. 14). Такой способъ доказательства былъ, конечно, наиболѣе убѣдительнымъ для дворянъ-крѣпостниковъ; но возводить его въ образъ мысли, общій всѣмъ декабристамъ, было бы слишкомъ суздальскимъ приѣмомъ письма.

Нельзя, однако, говорить о сословно-классовыхъ идеалахъ дека-

бристовъ, не разобравъ предварительно все теченіе декабризма съ точки зрѣнія эволюціи русской общественной мысли. На предыдущихъ страницахъ мы касались этого только мимоходомъ, теперь попытаемся ознакомиться съ внутренней идеологической сущностью декабризма въ его главнѣйшихъ проявленіяхъ.

Нѣсколько выше мы отмѣтили, что нельзя говорить о декабризмѣ какъ о единомъ цѣльномъ теченіи; необходимо разобратъ въ тѣхъ направленіяхъ, изъ совокупности которыхъ и состоялъ декабризмъ. Мы склонны думать, что такихъ главныхъ направлений было три различавшихся своимъ отношеніемъ къ соціальному и политическому элементу въ предполагавшейся революціи; направленія эти опредѣлялись характеромъ самой задачи, стоявшей передъ декабристами; предстояло, во-первыхъ, добиться проведенія коренной *политической* реформы; во-вторыхъ, предстояло добиться коренной реформы *соціальной*, и наконецъ, въ третьихъ, предстояла необходимость *синтеза* этихъ двухъ точекъ зрѣнія, необходимость подведенія соціальнаго фундамента подъ политическія реформы. Три имени—Никиты Муравьева, Н. Тургенева и Пестеля—лучше всего характеризуютъ эти три точки зрѣнія; изучивъ основныя воззрѣнія этихъ замѣчательнѣйшихъ представителей декабризма, мы тѣмъ самымъ вполнѣ ознакомимся съ основными теченіями русской общественной мысли двадцатыхъ годовъ.

Выше мы уже имѣли случай подчеркнуть, что послѣдовательность зарожденія «вольнодумства» среди интеллигенціи двадцатыхъ годовъ была такова: прежде всего воскресла (никогда, впрочемъ, не умиравшая) идея Новикова и Радищева о необходимости уничтоженія крѣпостного права, а затѣмъ мало-по-малу стала проникать въ сознаніе та мысль, что этой соціальной реформы нельзя будетъ добиться безъ предварительнаго уничтоженія политическаго закрѣпощенія, т.-е. безъ реформы политическаго строя. Эта послѣдовательность мысли—типическая; мы увидимъ впослѣдствіи, что она буквально повторилась и во второй половинѣ XIX-го вѣка и что переходъ отъ Союза Спасенія къ Южному и Сѣверному обществамъ вполнѣ аналогиченъ въ этомъ отношеніи переходу отъ «Земли и Воли» къ «Народной Волѣ» въ концѣ семидесятыхъ годовъ (см. т. II, гл. II и VI): старые народники-землеволюцы ставили своей цѣлью только одно—соціальную реформу, народовольцы же поняли, что къ соціальному надо идти черезъ политическое и что иной путь невозможенъ. Это поняли въ свое время и декабристы. Сначала они стремились только къ одной соціальной реформѣ, къ освобожденію крестьянъ; въ 1816 году М. Орловъ представилъ Александру I-му покрытый многочисленными подписями адресъ

объ уничтоженіи крѣпостного права (см. «Записки» кн. Волконскаго), а въ адресѣ, проектированномъ въ 1820 году, содержаніе уже совсѣмъ иное—въ немъ «излагались всѣ бѣдствія Россіи, для прекращенія которыхъ мы (декабристы) предлагали императору созвать Земскую Думу» («Записки» Якушкина, стр. 40). Мы видѣли также въ одномъ изъ показаній Пестеля, что первоначальной задачей Союза Спасенія было освобожденіе крестьянъ, но это было цѣлью Союза только «при самомъ первомъ началѣ и весьма короткое время»—въ 1816 г.; но уже «вмѣстѣ съ принятіемъ устава объ устройствѣ общества (что имѣло мѣсто въ началѣ 1817 г.) принята и цѣль Конституціи». Такимъ образомъ очень скоро социальная реформа уступила мѣсто реформѣ политической, ставшей вполнѣ самостоятельной, самодовлѣющей цѣлью. Этотъ *приматъ политическаго надъ социальнымъ* роднитъ интеллигенцію двадцатыхъ годовъ отчасти съ разночинной интеллигенціей шестидесятыхъ годовъ (послѣ 19 февр. 1861 г.), а прежде всего съ интеллигенціей послѣдней четверти XIX-го вѣка, начиная отъ народовольцевъ, и рѣзко отдѣляетъ ее, какъ это мы уже отмѣтили, отъ интеллигенціи семидесятыхъ годовъ, отъ стараго народничества, отъ бакунизма и землевольства. Но и среди декабристовъ приматъ этотъ не пользовался всеобщимъ признаніемъ: если, съ одной стороны, бѣльшая часть декабристовъ, во главѣ съ Н. Муравьевымъ, признавала его безусловно, то съ другой, его категорически отвергалъ такой видный декабристъ, какъ Н. Тургеневъ, наконецъ, Пестель принималъ этотъ приматъ вполнѣ условно, синтезируя въ своемъ міровоззрѣніи и социальное и политическое. — X

Точка зрѣнія Никиты Муравьева намъ отчасти уже извѣстна: она во многомъ совпадала съ отмѣченными нами выше взглядами графа Мордвинова. Послѣдній утверждалъ, что «Россіи прежде всего необходима богатая и могущественная аристократія, что для созданія ея императору надо только раздѣлить между знатными фамиліями имперіи всѣ казенныя земли, что палата лордовъ или пэровъ, образовавшаяся изъ членовъ этихъ фамилій, была бы могущественнымъ элементомъ для устройства страны и для утвержденія конституціи» (Н. Тургеневъ, «La Russie et les Russes», I, 110; въ русск. пер. стр. 89—90). Заключавшееся въ этомъ планѣ «аристократическое ослѣпленіе», такъ сильно возмущавшее Н. Тургенева, было присуще многимъ изъ дѣятелей двадцатыхъ годовъ. Не говоримъ уже о проектахъ графа Мамонова, предшественника декабристовъ и основателя общества Русскихъ Рыцарей, который требовалъ учрежденія наслѣдственного пэрства и дарованія этимъ двумстамъ пэрамъ или «вельможамъ государ-

ственнымъ» не чего иного, какъ «удѣловъ, городами и помѣстьями»!. Конечно, проекты «бѣшеннаго Мамонова» (какъ его назвалъ Д. Давыдовъ) не заслуживаютъ серьезнаго вниманія; въ нихъ можно найти такіе удивительные пункты, какъ «переселеніе Гренландовъ въ Сибирь» (п. 29), «упраздненіе ненужныхъ университетовъ и учрежденіе вмѣсто того... лабораторій и звѣринцевъ» (п. 34), а «упраздненіе рабства» стоитъ въ нихъ рядомъ съ «учрежденіемъ флота въ Архипелагѣ» (пп. 7 — 9); но аристократически-либеральная тенденція ихъ является все же весьма характерной. Идея, что родовая аристократія является уздою деспотизма, раздѣлялась весьма многими декабристами; такъ, на примѣръ, Бестужевъ-Марлинскій склонялся, какъ мы уже отмѣтили, «къ монархіи, аристократіею умѣренной»; Якубовичъ, въ своемъ письмѣ къ Николаю (отъ 28 дек. 1825 г.) изъ Петропавловской крѣпости, въ весьма осторожныхъ выраженіяхъ повторяетъ эту же мысль Мордвинова: «аристократія въ единовластномъ, монархическомъ управленіи необходима, она служитъ равновѣсіемъ государству, представительницей у трона за народъ и оппозиціей властямъ...» Батенковъ въ своей «Запискѣ» изъ крѣпости (отъ 29 марта 1826 г.) приходитъ къ этой же мысли: онъ считаетъ аристократію, «вельможество» главнымъ «предостереженіемъ для монарха»; пока это вельможество было сильно (на примѣръ, при императрицѣ Елизаветѣ) — Россія процвѣтала (?); Павелъ I почти смѣшалъ всѣ сословія (?), а при Александрѣ «влились свободныя мысли также къ разрушенію различія состояній. Но Россія, во все сіе время не только не благоденствовала, но истощалась. Изъ сего заключалъ я, что сильное вельможество намъ свойственно и необходимо...» Это любопытное умозаключеніе, построенное на невѣрныхъ предположеніяхъ и по ошибочной схемѣ (post hoc, ergo propter hoc), отличается все тѣмъ же направленіемъ мысли въ сторону той или иной *политической* реформы; мы видимъ теперь также, что это выставленіе политической реформы на первый планъ сопровождалось у декабристовъ ярко выраженными аристократическими тенденціями. Эти характерныя особенности ясно проявились и во взглядахъ Никиты Муравьева, насколько мы можемъ судить объ этомъ по двумъ редакціямъ его проекта конституціи; взгляды же Никиты Муравьева были повидимому господствовавшими въ Сѣверномъ Обществѣ. Муравьевъ не требуетъ ни созданія родового пэрства, ни раздѣленія между вельможествомъ земель и удѣловъ; его проектъ укрѣпляетъ положеніе аристократіи гораздо болѣе реальнымъ образомъ: установленіемъ чрезвычайно высокаго избирательнаго ценза, доходящаго до 30.000 р. недвижимаго или 60.000 руб. («3.000 фунт. серебра») недвижимаго имуще-

ства при избраніи въ члены Верховной Думы; таковъ же цензъ и для выборной должности тысяцкаго, стоящаго во главѣ уѣзднаго самоуправления. Сами декабристы сознавали чрезмѣрность подобнаго ограниченія правъ и замѣчали, что въ такомъ случаѣ «почти всѣ общественныя владѣнія будутъ безъ тысяцкихъ». Во всякомъ случаѣ политическая реформа по проекту Н. Муравьева была основана отнюдь не на демократическихъ принципахъ, несмотря на весь его искренній либерализмъ; но, конечно, конституція Муравьева — это уже громадный шагъ впередъ отъ мнѣній Мордвинова даже въ чисто политической области, не говоря уже о томъ, что она шла совершенно противъ Мордвинова и его единомышленниковъ въ вопросѣ о социальной реформѣ. Въ конституціи Муравьева мы находимъ категорическое заявленіе, что «крѣпостное состояніе и рабство отмѣняются» — и одно это ставитъ уже рѣзкую раздѣлительную черту между декабристами и современными имъ «либералами-крѣпостниками»; политическій либерализмъ декабристовъ не былъ запачканъ рабовладѣльческими тенденціями. Мы увидимъ впрочемъ нѣсколько ниже, что зато экономической либерализмъ былъ вполне неизбѣжнымъ спутникомъ этой группы декабристовъ, къ которой принадлежатъ Бестужевъ-Марлинскій, Якубовичъ, Батенковъ, отчасти Каховскій (все члены Сѣвернаго Общества), идеологомъ которой можетъ считаться Никита Муравьевъ и которая характеризуется выставленіемъ на первый планъ политической реформы аристократическаго оттѣнка.

Второе направленіе въ декабризмъ характеризуется воззрѣніями Н. Тургенева, который одинъ стѣбитъ цѣлой группы и который стоялъ на точкѣ зрѣнія, совершенно противоположной предыдущей: онъ былъ ожесточеннымъ противникомъ одной политической реформы и такихъ хотя бы самыхъ либеральныхъ проектовъ, которые не улучшали положенія крестьянства; въ этомъ отношеніи онъ былъ отдаленнымъ предшественникомъ народничества семидесятыхъ годовъ и предвосхитилъ многія его этико-соціологическія построенія (быть можетъ, не столько построенія, сколько настроенія). *Приматъ социальнаго надъ политическимъ* — таково основное положеніе Н. Тургенева, на которомъ онъ твердо и упорно стоялъ, несмотря ни на что, заявляя, что «слѣдуетъ начать съ водворенія гражданской свободы, прежде чѣмъ мечтать о свободѣ политической»... Въ этомъ ясно проявилось стремленіе отъ абстрактнаго челоуѣка къ реальной личности, о которомъ у насъ была рѣчь въ концѣ предыдущей главы: по мнѣнію Н. Тургенева съ политической свободой можно подождать, хотя и она необходима; но еще болѣе необходимо немедленное освобожденіе

крестьянъ. Тутъ время не терпитъ, здѣсь нельзя «ограничиться паллиативами и отложить попеченіе объ истинномъ прогрессѣ до слѣдующаго поколѣнія», ибо «не легко рѣшиться жертвовать такимъ образомъ настоящимъ для будущаго: одному Богу извѣстно, будутъ ли существовать слѣдующія поколѣнія...» Эти замѣчательныя слова предвосхищаютъ мысль Герцена о настоящемъ какъ о цѣли прогресса и нашихъ личныхъ усилій, эти же слова выражаютъ мысль Н. Тургенева о приматѣ реальной личности надъ абстрактнымъ человѣкомъ. Стоя на такой точкѣ зрѣнія, Тургеневъ склоненъ даже примириться съ абсолютизмомъ, который можетъ однимъ взмахомъ пера разрубить гордіевъ узелъ вопроса о крѣпостномъ правѣ; поэтому же онъ энергично протестуетъ противъ всякой попытки расширенія политическихъ правъ дворянства. Здѣсь онъ рѣзко расходится съ первымъ теченіемъ декабризма, съ тенденціями Никиты Муравьева и его единомышленниковъ, не говоря уже о графѣ Мордвиновѣ; здѣсь онъ ведетъ упорную борьбу противъ сословно-классовыхъ интересовъ дворянства; здѣсь онъ опять является предшественникомъ народничества начала семидесятыхъ годовъ, возстававшаго противъ всякаго расширенія политическихъ правъ общества во имя улучшенія положенія трудящихся массъ. Въ замѣчательной «Запискѣ», поданной въ 1819 г. графу Милорадовичу и предназначавшейся въ сущности для Александра, Н. Тургеневъ обсуждаетъ вопросъ о расширеніи политическихъ правъ дворянства, и конечно, рѣшаетъ его отрицательно. «Чтобы разрѣшить по совѣсти этотъ вопросъ,—пишетъ онъ,—надо помнить, что въ Россіи миллионы человѣческихъ существъ не пользуются даже гражданскими правами. Всякое расширеніе политическихъ правъ въ пользу дворянскаго сословія противорѣчило бы интересамъ крѣпостныхъ крестьянъ. Въ этомъ отношеніи самодержавная власть можетъ быть разсматриваема, какъ якорь спасенія въ нашей странѣ; отъ этой только власти мы можемъ ожидать уничтоженія рабства, столь же несправедливаго, какъ и бесполезнаго. Непозволительно мечтать о политической свободѣ тамъ, гдѣ миллионы несчастныхъ не знаютъ даже простой человѣческой свободы...» Вотъ почему всѣ споры о конституціи, всѣ дебаты декабристовъ на политическія темы оставляли Н. Тургенева совершенно холоднымъ, точь-въ-точь какъ это было впоследствии съ народниками начала семидесятыхъ годовъ, увлеченныхъ идеею примата социальнаго надъ политическимъ. «Что касается споровъ о политической свободѣ и о формахъ конституціи,—вспоминалъ впоследствии Н. Тургеневъ,—то я былъ слишкомъ поглощенъ вопросомъ о крѣпостномъ правѣ, чтобы много ими заниматься. Если меня и можно упрекнуть въ чемъ-нибудь по

этому поводу, то развѣ только въ равнодушіи къ подобнымъ спорамъ. У меня, конечно, были опредѣленные взгляды на главные вопросы политическаго строя...; я бы не отказался дѣйствовать и даже пожертвовать собою, чтобы добиться учрежденій, могущихъ гарантировать эти великія блага (свободу печати, представительство и пр.), какъ только будутъ уничтожены всѣ виды рабства; но пока существуетъ крѣпостное право, всѣ мои помыслы были направлены исключительно на то, что я считалъ величайшимъ зломъ, требующимъ самаго быстраго леченія»... «Такимъ образомъ,—заключаетъ Тургеневъ,—это равнодушіе къ политическимъ вопросамъ было лишь относительное; иными словами, *всѣ эти вопросы были подчинены вопросу объ освобожденіи крѣпостныхъ*» («La Russie et les Russes», I, 108—109; курсивъ нашъ). Здѣсь впервые въ исторіи русской общественной мысли высказана съ такой блестящей ясностью мысль о приматѣ соціальнаго надъ политическимъ, характеризующая собою второе направленіе въ теченіи декабризма. Направленіе это можетъ быть опредѣлено, какъ выставленіе на первый планъ соціальной реформы вмѣстѣ съ условнымъ допущеніемъ сохраненія политическаго *statu quo ante*. Поскольку абсолютизмъ былъ сдерживающимъ моментомъ дворянски-землевладѣльческихъ вождѣній и поскольку рабство могло пасть «по манію царя»,—постольку примирялся съ самодержавіемъ Н. Тургеневъ, вполне непримиримо относившійся къ мечтаніямъ объ одной политической свободѣ. «Когда я замѣчалъ въ своихъ собесѣдникахъ, — рассказываетъ Тургеневъ,—стремленіе къ политической свободѣ безъ желанія освободить крѣпостныхъ, мною овладѣвало негодованіе, можно было подумать, смотря на меня, что я защищаю абсолютизмъ»... (ibid.). Ясно, что во всемъ этомъ мы имѣемъ діаметральную противоположность воззрѣніямъ группы Н. Муравьева: тамъ приматъ политическаго надъ соціальнымъ, здѣсь приматъ соціальнаго надъ политическимъ; тамъ аристократія считается сдерживающимъ моментомъ деспотизма, здѣсь абсолютизмъ является уздой дворянскихъ и аристократическихъ вождѣній.

Въ одномъ пунктѣ однако Тургеневъ сходилъ съ этими представителями политическаго либерализма, и не только сходилъ, но былъ даже ихъ прямымъ учителемъ; это—въ области экономическихъ воззрѣній, въ исповѣданіи либерализма экономическаго. Н. Тургеневъ въ своей книгѣ «Опытъ теоріи налоговъ», вышедшей съ громаднымъ успѣхомъ двумя изданіями въ 1818—1819 гг., талантливо проводилъ фритредерскіе взгляды; онъ старался доказать, что «всѣ экономическія и финансовыя теоріи, также какъ и правительственныя, правильны

лишь постольку, поскольку онѣ основаны на идеѣ свободы». Поэтому свобода конкуренціи является положительнымъ факторомъ во внутреннихъ и внѣшнихъ государственныхъ отношеніяхъ: во внѣшнихъ отношеніяхъ желательны отмѣна запретительныхъ пошлинъ и низкій либеральный тарифъ, а во внутреннихъ—уничтоженіе крѣпостного права, освобожденіе крестьянъ *безъ земли* или съ минимальнымъ земельнымъ надѣломъ и свобода крестьянскихъ переселеній, при сохраненіи всей земли за помѣщиками (см. «Записку», цитированную выше, а также «La Russie et les Russes», т. III). Въ этомъ исповѣданіи экономическаго либерализма, впоследствии, въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ, ставшаго, какъ мы это увидимъ (т. I, гл. VIII и т. II, гл. I и III), удѣломъ эпигоновъ западничества, Н. Тургеневъ радикально разошелся съ будущимъ народничествомъ, къ которому онъ былъ такъ близокъ во многихъ отношеніяхъ; и именно въ этомъ пунктѣ идеи Тургенева оказались безсильными передъ лицомъ жизни. Система «laissez faire, laissez aller» была примѣнена въ широкомъ масштабѣ въ области внѣшней россійской экономической политики введеніемъ либеральнаго таможеннаго тарифа 1819 года, который просуществовалъ съ трудомъ до 1823-го года; въ области же внутренней политики идея Тургенева, къ счастью, никогда не приводилась въ исполненіе въ широкомъ масштабѣ, если не считать безземельнаго освобожденія прибалтійскихъ крестьянъ (въ 1817 г.). Однако отдѣльныя попытки примѣненія этой идеи были и въ центральной Россіи. Несомнѣнно, что нѣкоторые изъ декабристовъ пытались примирить непримиримое и рѣшить острую проблему о крѣпостномъ правѣ такъ, чтобы и волки были сыты и овцы цѣлы, чтобы и помѣщикъ остался съ землей и крестьянинъ оказался свободнымъ. Чрезвычайно характерна въ этомъ отношеніи попытка освобожденія крестьянъ, произведенная въ 1819 г. Якушкинымъ (и внушенная, какъ увидимъ ниже, Тургеневымъ), который въ это время еще «не очень понималъ, ни какъ это можно было устроить, ни того, что изъ этого выйдетъ», но зато былъ проникнутъ убѣжденіемъ, что «крѣпостное состояніе—мерзость», а потому и желалъ освободить своихъ крестьянъ во что бы то ни стало. Онъ пришелъ къ слѣдующему рѣшенію: освободить крестьянъ безвозмездно и предоставить въ ихъ полное владѣніе все ихъ движимое имущество, весь ихъ живой и мертвый инвентарь, а также всѣ усадьбы и выгоны; землю же всю оставить за собой, предполагая половину сдавать въ аренду этимъ же освобожденнымъ крестьянамъ, а другую половину обрабатывать самому вольнонаемными рабочими. Къ величайшему его изумленію крестьяне наотрѣзъ отка-

зались отъ подобнаго предложенія, заявивъ ему, что если у нихъ при свободѣ не будетъ земли, то—«ну такъ, батюшка, оставайся все по старому: мы ваши, а земля наша» («Записки», стр. 29—32). Мы еще встрѣтимся съ такой мотивировкой при изученіи развитія идей Герцена; здѣсь же достаточно указать, что либерально-экономическія идеи Н. Тургенева были заранѣе обречены на бесплодіе и въ сферѣ внѣшней и въ сферѣ внутренней экономической политики.

Безусловный противникъ однобокаго политическаго либерализма, Тургеневъ былъ сторонникомъ настолько же односторонняго либерализма экономическаго; въ послѣднемъ отношеніи онъ шелъ, какъ мы это отмѣтили, рука объ руку съ представителями перваго направленія въ декабризмъ, направленія, соединявшаго въ себѣ либерализмъ и экономической и политической. Большинство декабристовъ твердо стояло на фритредерской точкѣ зрѣнія, ибо въ то время фритредерство и манчестерскія теоріи носились въ воздухѣ, были въ духѣ времени, такъ что очень немногіе были въ ту эпоху сторонниками протекціонизма, подобно гр. Мордвинову. На точкѣ зрѣнія фритредерства стоялъ и Бестужевъ-Марлинскій, находившій, что запретительная система обогащаетъ только контрабандистовъ, и Каховскій, возстававшій противъ государственныхъ монополій и заявлявшій, что «запретительная система, которая нигдѣ не можетъ быть полезна, тѣмъ болѣе вредна въ отечествѣ нашемъ». Изъ декабристовъ быть можетъ только одинъ Штейнгель былъ всецѣло сторонникомъ протекціонизма и признавалъ либеральный тарифъ 1819 г. грубой ошибкой, слишкомъ поздно исправленной тарифомъ 1823-го года. Фритредерство было въ ту эпоху моднымъ теченіемъ, фритредерами были всѣ, даже имѣвшіе самыя минимальныя свѣдѣнія въ области финансовъ и экономики; тотъ же Каховскій, высказывавшій самыя категорическія сужденія въ этой области, былъ, напримѣръ, искренно убѣжденъ, что «винный налогъ.... не есть налогъ косвенный, онъ налогъ прямой, падающій на всѣхъ лицъ и всѣ состоянія»... Конечно, Тургеневъ, обладавшій большими познаніями именно въ области экономическихъ вопросовъ, былъ въ этой области путеводителемъ большинства декабристовъ, точно такъ же какъ и въ крестьянскомъ вопросѣ. Проектъ безземельнаго освобожденія крестьянъ, свободное переселеніе крестьянъ, отрицательное отношеніе къ общинѣ, столь свойственное экономическому либерализму—всѣ эти идеи такъ или иначе отразились въ конституціи Никиты Муравьева, во всемъ остальномъ такъ противоположнаго Тургеневу. Въ первой редакціи этой конституціи проектируется освобожденіе крестьянъ безъ земли; только впоследствии, во второй позд-

нѣйшей редакціи, за крестьянами оставляется ихъ усадебная земля, живой и мертвый инвентарь, совершенно такъ же, какъ въ знакомомъ намъ проектѣ Якушкина; это наводитъ на мысль объ одномъ и томъ же источникѣ этихъ проектовъ, какимъ могъ быть только Н. Тургеневъ ¹⁾. Эту же мысль подтверждаетъ и тотъ пунктъ конституціи, который говоритъ о переселеніяхъ крестьянъ, признавая однако необходимость вознагражденія помѣщика переселяющимися крестьянами; эту же мысль подтверждаетъ, наконецъ, и отношеніе конституціи Н. Муравьева къ общинѣ, которая признается только временнымъ зломъ, ибо законъ долженъ установить нормы раздѣла земли и перехода ея изъ общиннаго пользованія въ частную собственность. Интересно, что первая редакція конституціи, найденная въ бумагахъ кн. Трубецкого, сопровождается цѣлымъ рядомъ отмѣтокъ и примѣчаній, занесенныхъ на поля проекта повидимому послѣ обсужденій его членами Общества; нѣтъ никакого сомнѣнія, что многія изъ этихъ замѣчаній сдѣланы Н. Тургеневымъ, который тогда, по словамъ Якушкина, стоялъ во главѣ Общества вмѣстѣ съ Никитой Муравьевымъ. Одно изъ этихъ примѣчаній относится какъ-разъ къ пункту объ общинномъ землевладѣніи; общинное землевладѣніе—гласитъ примѣчаніе—есть «вѣрный способъ для стоячаго положенія земледѣлія; при общей собственности оно никогда преуспѣвать не можетъ въ усовершенствованіи»... Здѣсь Н. Тургеневъ (если это, какъ можно быть почти увѣреннымъ, его примѣчаніе) высказываетъ основное возраженіе экономическаго либерализма противъ общины, возраженіе, бывшее главнымъ оружіемъ эпигоновъ западничества, Фритредеровъ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ въ борьбѣ съ народничествомъ Герцена и Чернышевскаго и на которомъ мы подробно остановимся впослѣдствіи (т. I, гл. IX и т. II, гл. I). Такимъ образомъ въ міровоззрѣніи Н. Тургенева соединялись самые противоположные элементы; съ одной стороны онъ былъ предшественникомъ народничества, съ другой—россійскаго либерализма середины XIX-го вѣка; въ качествѣ послѣдняго онъ принадлежалъ къ группѣ либераловъ-декабристовъ и даже отчасти шелъ во главѣ ихъ вмѣстѣ съ Н. Муравьевымъ, а въ качествѣ перваго онъ діаметрально расходился съ ними

¹⁾ Самъ Тургеневъ категорически заявляетъ, что «одинъ изъ членовъ Союза Благоденствія» сдѣлалъ попытку освобожденія крестьянъ по его, Тургенева, совѣтамъ. Что этотъ «одинъ изъ членовъ» былъ именно Якушкинъ, ясно видно изъ сравненія воспоминаній по этому поводу Якушкина («Записки», стр. 29—35) и Н. Тургенева («La Russie et les Russes» I, 120—122).

и представлялъ самъ по себѣ въ высшей степени замѣчательное и оригинальное направленіе въ декабризмѣ.

Взаимодѣйствіе между этими двумя теченіями, декабризма несомнѣнно. Правда, съ одной стороны стояло громадное большинство декабристовъ (Сѣвернаго Общества), а съ другой одинъ Н. Тургеневъ; но такой человѣкъ, какъ Тургеневъ, стѣдуетъ по своему значенію цѣлой группы. Къ мнѣнію Тургенева декабристы всегда чутко прислушались. Когда Пестель въ 1824 г. пріѣхалъ въ Петербургъ для переговоровъ съ Сѣвернымъ Обществомъ, то одинъ только Н. Тургеневъ возсталъ противъ плана социальныхъ реформъ Пестеля, и это мнѣніе «очень подѣйствовало на всѣхъ членовъ Сѣверной Управы» — передаетъ въ своихъ показаніяхъ Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ. Вообще среди декабристовъ Н. Тургеневъ всегда игралъ одну изъ самыхъ центральныхъ ролей, хотя онъ и пытается оспорить это въ своихъ запискахъ; роль эта была не боевая и не практическая, подобно роли, напримѣръ, Рылѣева, но роль теоретика-идеолога того теченія, въ которомъ мы уже отмѣтили два направленія. Съ одной стороны самъ Тургеневъ былъ выразителемъ цѣлаго направленія въ декабризмѣ, принимающаго примать социальнаго надъ политическимъ; онъ былъ всегда для всѣхъ декабристовъ-конституціоналистовъ неуклоннымъ «memento» того факта, что и самый декабризмъ взялъ свое начало отъ идеи крестьянскаго освобожденія, что когда еще не было и рѣчи о политической реформѣ, уже давно существовала мысль о необходимости реформы социальной. И благодаря Тургеневу это никогда не забывали совершенно декабристы-политики. Баронъ Розенъ вспоминаетъ, что «при всѣхъ сходкахъ и сѣздахъ членовъ тайнаго общества Николай Ивановичъ Тургеневъ такъ настойчиво требовалъ эмансипаціи, такъ обстоятельно излагалъ необходимость и различныя средства къ тому, что даже наскучилъ своими проектами»... Но зато даже самые односторонніе конституціоналисты твердо помнили, что «политическая наша свобода неразлучна съ освобожденіемъ крестьянъ», какъ впоследствии говорилъ даже Пушкинъ, сторонникъ аристократическихъ воззрѣній графа Мордвинова, какъ мы это еще увидимъ ниже.

И несмотря на все свое огромное вліяніе, Н. Тургеневъ былъ одинокъ: онъ былъ самъ одинъ цѣлой партіей, но онъ не имѣлъ учениковъ и послѣдователей. Примать социальнаго надъ политическимъ, проповѣдывавшійся Тургеневымъ, его признаніе безнравственности одной политической реформы (впоследствии перешедшее въ народничество семидесятыхъ годовъ), — все это было несовременно въ атмосферѣ второй половины двадцатыхъ годовъ, когда русская интелли-

генція уже сознала—и на это мы уже обращали вниманіе выше—немыслимость добиться соціальной реформы внѣ зависимости отъ реформы политической. Здѣсь впервые въ исторіи русской общественной мысли имѣло мѣсто обстоятельство, неоднократно повторявшееся впоследствии: односторонне соціальное направление побѣждалось теченіемъ, идущимъ къ соціальному черезъ политическое. Подобно тому какъ народовольцы въ концѣ семидесятыхъ годовъ побѣдили и землевольцевъ и чернопередѣльцевъ, стоящихъ исключительно на соціальной точкѣ зрѣнія и исключавшихъ путь политической борьбы, такъ и соціальная точка зрѣнія Н. Тургенева должна была уступить свое мѣсто воззрѣнію, также полагающему соціальное во главу угла, но принимающему политическій путь соціального строительства. Такимъ воззрѣніемъ явилась точка зрѣнія Пестеля, синтезирующая взгляды и Н. Тургенева и Н. Муравьева и являющаяся высшимъ пунктомъ развитія исторіи русской общественной мысли двадцатыхъ годовъ.

~~Приматъ~~ соціального надъ политическимъ и самодержавіе какъ узда аристократіи; приматъ политическаго надъ соціальнымъ и аристократія какъ узда абсолютизма: обѣ эти столь различныя точки зрѣнія Тургенева и Муравьева одинаково далеки отъ Пестеля. Съ одной стороны Пестель ожесточенный врагъ аристократическихъ принциповъ, съ другой—онъ не менѣе ожесточенный противникъ и абсолютизма.

Уже со времени своей молодости онъ вполнѣ отрицательно относился къ «большимъ преимуществамъ аристокраціи», которую считалъ несдерживающимъ моментомъ абсолютизма, а только «стѣною, между монархомъ и народомъ стоящею». «Мнѣ казалось,—прибавляетъ Пестель,—что главное стремленіе нынѣшняго вѣка состоитъ въ борьбѣ между массами народными и аристокраціями всякаго рода, какъ на богатствѣ, такъ и на правахъ наслѣдственныхъ основанными»... Мысли эти получили дальнѣйшее развитіе въ знаменитой «Русской Правдѣ» Пестеля, которая будетъ служить намъ главнымъ источникомъ для изученія взглядовъ Пестеля. Онъ заявляетъ тамъ (уже въ 1821 году), что всякая аристокрація, хоть на богатствахъ и имуществвахъ, хоть на привилегіяхъ и нравахъ родовыхъ основанная, должна совершенно навсегда быть отвергнута»... Надо замѣтить при этомъ, что Пестель возставалъ противъ аристократическихъ тенденцій не столько графа Мордвинова, сколько Никиты Муравьева; онъ ясно видѣлъ, что родовая аристократія уже умираетъ и что ее не воскресятъ никакіе проекты графовъ Мамоновыхъ и Мордвиновыхъ, но зато онъ не менѣе ясно предвидѣлъ возможность зарожденія еще болѣе

опасной для народа аристократіи денежной, крупной буржуазіи, изъ которой и будутъ вербоваться, по проекту Никиты Муравьева, разныя тысяцкіе и члены Верховной Думы, съ минимальнымъ имущественнымъ цензомъ въ «3.000 фунтовъ чистаго серебра»... Съ такими буржуазно-аристократическими тенденціями Пестель не переставалъ воевать, и въ «Русской Правдѣ» есть цѣлый рядъ мѣстъ, явно направленныхъ противъ проектовъ Никиты Муравьева. «Отличительная черта нынѣшняго столѣтія—пишетъ онъ—ознаменовывается явною борьбою между народами и феодальною аристокраціей, во время коей начинается возникать аристокрація богатствъ, гораздо вреднѣйшая аристокраціи феодальной, ибо сія послѣдняя общимъ мнѣніемъ всегда потрясена быть можетъ и, слѣдовательно, нѣкоторымъ образомъ отъ общаго мнѣнія зависитъ, между тѣмъ какъ аристокрація богатствъ, владѣя богатствами, находитъ въ нихъ орудія для своихъ видовъ, противу коихъ общее мнѣніе совершенно безсильно, и посредствомъ коихъ она приводитъ весь народъ... въ совершенную отъ себя зависимость. А потому обязано всякое благомыслящее правительство... всѣ мѣры принимать, дабы таковыя сословія отдѣльнымъ отъ массы народной составленіемъ сами собою бы не устанавливались и не образовывались, а тѣмъ болѣе обязано ихъ уничтожить, ежели они гдѣ-либо существуютъ» («Русская Правда», гл. III, § 3, «Аристокрація богатствъ»). Здѣсь мы видимъ, хотя и въ нѣсколько наивныхъ формахъ, начало той идейной борьбы съ буржуазіей, которое выпало на долю русскаго социализма (народничества) отъ Герцена и до Михайловскаго; мы видимъ здѣсь также очевидную борьбу съ идеями Никиты Муравьева. Въ своихъ показаніяхъ передъ слѣдственной комиссіей Пестель заявилъ объ этомъ громогласно, неоднократно упоминая о томъ, что конституція Н. Муравьева ему, Пестелю (да и вообще «многимъ членамъ общества»), крайне не нравилась по причинѣ «ужасной аристокраціи богатствъ, которая оною созидалась въ обширнѣйшемъ видѣ»; «сія ужасная аристокрація богатствъ—повторяетъ онъ въ другомъ показаніи—заставляла многихъ, и въ томъ числѣ и меня, противу его конституціи сильно спорить»... Вмѣсто принципа какого бы то ни было аристократизма Пестель выдвигалъ впередъ цѣльную и глубоко продуманную систему послѣдовательнаго демократизма; онъ требовалъ (уже въ 1824 году) не только всеобщаго равенства всѣхъ передъ закономъ, нарушеніе чего есть уже «нестерпимое зловлстіе», но и уничтоженіе какого бы то ни было различія между сословіями («Русская Правда», гл. III, § 4). Мы увидимъ далѣе, что по этому пути уравниенія сословій Пестель заходилъ такъ далеко, какъ не осмѣли-

вался заходить никто не только изъ его современниковъ, но и вообще изъ представителей русской интеллигенціи до появленія «кающихся дворянъ» шестидесятыхъ-семидесятыхъ годовъ.

Итакъ, аристократическій принципъ былъ категорически отвергнутъ Пестелемъ и замѣненъ принципомъ демократическимъ; съ другой стороны, имъ не менѣе рѣшительно былъ отвергнутъ принципъ абсолютизма и замѣненъ принципомъ республиканскимъ. Пестель энергично ратовалъ противъ абсолютизма, считая его не только неспособнымъ обуздать аристократію, но напротивъ того—способнымъ еще болѣе усилить гнетъ надъ народными массами. Пестель не признавалъ дилеммы—что изъ двухъ: или аристократія, обуздываемая деспотизмомъ, или деспотизмъ, обуздываемый аристократіей?—для Пестеля «оба хуже», и то и другое одинаково неприемлемо. Вотъ почему, вставая противъ аристократіи, Пестель въ то же самое время укрѣпился «весьма сильно въ республиканскомъ и революціонномъ образѣ мыслей... и ни въ чемъ не видѣлъ большаго благоденствія и высшаго блаженства для Россіи, какъ въ республиканскомъ правленіи»... Вотъ почему, прійдя къ такой точкѣ зрѣнія, Пестель радикально разошелся съ Н. Тургеневымъ и оказался союзникомъ Никиты Муравьева: добиться республиканскаго образа правленія можно было только путемъ активныхъ дѣйствій, путемъ политической революціи. При такомъ взглядѣ невозможно было оставаться на той точкѣ зрѣнія «перфектибиллизма», на которой стояли въ началѣ многіе члены Союза Благоденствія и отчасти даже Н. Тургеневъ. Среди декабристовъ были люди, считавшіе «за великое счастье, если бы въ теченіе своей жизни хотя на одну каплю успѣть улучшить нравственность въ своемъ маломъ кругу дѣйствія» (показанія декабриста Бурцова), но Пестель былъ не изъ ихъ числа; наоборотъ, «онъ утверждалъ, что для образованія нравовъ нужны вѣка, но надлежало исправить правленіе, отъ коего уже и нравы исправятся» (id.). Надлежало исправить правленіе—и Пестель не колеблясь сталъ во главѣ тайнаго общества для одновременнаго сверженія и аристократіи и монархіи, для совершенія кореннаго политическаго переворота, а немедленно вслѣдъ за нимъ и грандіозной соціальной реформы.

Къ соціальному черезъ политическое—таковъ былъ девизъ Пестеля, этотъ позднѣйшій девизъ социализма. Пестель прекрасно понималъ, что одна соціальная реформа безъ политической, по проекту Н. Тургенева,—это только плѣнной мысли раздраженіе; но онъ не менѣе ясно видѣлъ, что одна политическая реформа, по проекту Муравьева, безъ коренной реформы соціальной—ничего не дастъ народу

и не будетъ революціей демократической. Герценъ передаетъ слышанный имъ отъ декабристовъ слѣдующій интересный фактъ: на одномъ изъ засѣданій Сѣвернаго Общества Пестель вполне ясно высказалъ, что дѣло не въ республикѣ, какъ въ формѣ правленія, а въ ея социальномъ фундаментѣ. «Вы провозгласите республику,—сказалъ онъ,—но это будетъ лишь перемѣна въ названіи. Главнымъ образомъ надо рѣшить вопросъ поземельной собственности; необходимо отдать землю крестьянамъ—только тогда цѣль революціи будетъ достигнута». Насколько это глубже проектовъ Тургенева—ясно съ перваго взгляда; мы убѣдимся въ этомъ еще болѣе, когда познакомимся поближе съ замѣчательными взглядами Пестеля на социальную реформу.

Прежде чѣмъ приступить къ знакомству съ этими взглядами, мы хотимъ подчеркнуть, что насъ интересуютъ главнымъ образомъ его законченныя и уже вполне сформированныя мнѣнія эпохи 1821—1825 гг., а не тѣ черновые наброски, которые принадлежатъ къ предыдущему періоду его жизни, когда онъ еще не выработалъ цѣльной и стройной социально-политической системы. Характеристика воззрѣній Пестеля по этимъ его черновикамъ и наброскамъ представляетъ большой интересъ для исторіи эволюціи взглядовъ Пестеля, а вмѣстѣ съ нимъ и третьяго теченія въ декабризмѣ; но мы не имѣемъ возможности входить здѣсь въ такія подробныя изслѣдованія и ограничиваемся только краткимъ указаніемъ на то, что изученіе черновиковъ «Русской Правды» и ранней записки Пестеля о государственномъ управленіи («Краткое умозрительное обозрѣніе Государственнаго Правленія», 1820 г.) показываетъ его неуклонную эволюцію отъ сословно-классовой точки зрѣнія къ яркому демократизму. Въ упомянутой запискѣ Пестель обращаетъ много вниманія на устройство министерства полиціи («приказа Благочинія»), весьма благосклонно относится къ шпионству («тайнымъ розыскамъ») и къ цензурѣ, предполагаетъ устройство корпуса жандармовъ («внутренней стражи»), по тысячѣ человѣкъ на губернію, а «пятидесяти тысячъ жандармовъ будетъ для всего государства достаточно»; онъ предлагаетъ далѣе вполне серьезно произвести такую коренную реформу, какъ переименованіе «маіоровъ во второстепенные подполковники, подполковниковъ въ первостепенные подполковники, генераль-маіоровъ—во второстепенные воеводы, а генераль-лейтенантовъ въ первостепенные воеводы»... Въ первоначальныхъ наброскахъ «Русской Правды» Пестель предлагаетъ предоставить самому дворянству выработку проектовъ объ улучшеніи положенія крестьянъ и только нерѣшительно высказываетъ, что

разныя причины «заставляют желать, чтобы рабство было совершенно въ Россіи уничтожено», причемъ все-таки все дѣло освобожденія слѣдуетъ отдать въ руки дворянскихъ собраній; и при этомъ во всякомъ случаѣ «освобожденіе крестьянъ отъ рабства не должно лишить дворянъ дохода, ими отъ помѣстій своихъ получаемаго»... Да и вообще дворяне «должны нѣкоторыми особыми преимуществами пользоваться въ видѣ награжденія за ихъ услуги и отъ нѣкоторыхъ тягостнѣйшихъ обязанностей быть освобождены»...

Совершенно не то мы увидимъ, если отъ этихъ черновыхъ набросковъ обратимся къ тѣмъ главамъ «Русской Правды», которыя были отдѣланы и набѣло переписаны Пестелемъ въ 1821—1824 гг. (главы I—III, не считая сожженной Пестелемъ шестой главы); въ нихъ уже отброшены всѣ сословно-классовыя тенденціи былыхъ временъ и ясно выражаются идеи самаго широкаго демократизма. Здѣсь уже не говорится о томъ, что отмѣна крѣпостного права является «желательной», а категорически заявляется, что «рабство должно быть рѣшительно уничтожено, и дворянство должно непремѣнно навѣки отречься отъ гнуснаго преимущества обладать другими людьми». Здѣсь Пестель уже не предлагаетъ передать проектъ объ освобожденіи дворянскимъ собраніямъ, но требуетъ освобожденія крестьянъ, хотя бы и вопреки желанію дворянства; а съ «злосовѣстными дворянами», которые бы вздумали «словомъ или дѣломъ сему дѣйствію противиться или оное осуждать», Пестель предлагаетъ поступить довольно строго: «всякаго такового злодѣя безъизвѣтно немедленно взять подъ стражу и подвергнуть его строжайшему наказанію, яко врага отечества и измѣнника противу первоначальнаго коренного права гражданскаго»... («Русская Правда», гл. III, § 6). Здѣсь уже нѣтъ и рѣчи о привилегіяхъ для дворянства, а напротивъ, особенно подчеркивается обязанность Верховнаго Правленія «при введеніи новой государственной финансовой системы подвергнуть дворянство податямъ наравнѣ съ прочими россиянами»; но и независимо отъ податного обложенія дворянство должно быть совершенно сравнено въ своихъ правахъ со всѣми гражданами государства: «само званіе дворянства должно быть уничтожено; члены онаго поступаютъ въ общій составъ російскаго гражданства». Здѣсь Пестель—это мы уже отмѣчали выше—заходитъ такъ далеко впередъ, какъ никто изъ его современниковъ, вплоть до «кающагося дворянства» шестидесятыхъ—семидесятыхъ годовъ. Мы увидимъ впоследствии (т. II, гл. II), что кающіеся дворяне шли на все, чтобы уравнять свое привилегированное положе-

ніе съ положеніемъ безправнаго крестьянства; если нельзя было увеличить права послѣдняго, то оставалось понизить права первыхъ: съ этой точки зрѣнія кающійся дворянинъ готовъ былъ вмѣстѣ съ крестьяниномъ подвергнуться и тѣлесному наказанію... «Пусть сѣкутъ: мужика сѣкутъ же!» — такъ формулировалъ Михайловскій крайнее проявленіе этого теченія въ кающемся дворянствѣ. Конечно, Пестель не подходилъ по типу настроенія къ кающемуся дворянству (скорѣе это приложимо къ Н. Тургеневу, который готовъ былъ поступиться своими политическими правами и даже помириться съ абсолютизмомъ ради успѣха дѣла освобожденія крестьянъ), но онъ не побоялся, съ обычной своей послѣдовательностью и смѣлостью мысли, сравнять дворянство со всѣми не только въ податной повинности, но даже въ подчиненіи самымъ унижительнымъ для «дворянской чести» наказаніямъ, если таковыя вообще будутъ сохранены въ уголовномъ кодексѣ: «ежели тѣлесныя наказанія будутъ признаны необходимыми, то должны онымъ быть подвергнуты дворяне такъ точно, какъ и всѣ прочіе люди» («Русская Правда», гл. III, § 6, п. 3). Однимъ словомъ — пусть сѣкутъ! мужика сѣкутъ же!... Одно это мѣсто достаточно показываетъ, много ли истины въ утвержденіяхъ, что идеалы декабристовъ были сословными; посмотримъ, насколько они были классовыми, а для этого вернемся нѣсколько назадъ и приступимъ къ знакомству съ социальными воззрѣніями Пестеля.

Мы видѣли, что демократическая республика была для Пестеля совершенно пустымъ звукомъ безъ коренной социальной реформы — передачи земель крестьянамъ. Исходя отсюда, Пестель развилъ грандіозный планъ частичной социализаціи земли, при сохраненіи общиннаго начала; въ этомъ онъ опередилъ полусотнею лѣтъ всѣхъ своихъ современниковъ и всѣхъ декабристовъ, во главѣ съ Муравьевымъ и Тургеневымъ. Существуютъ два различныхъ взгляда на земельный вопросъ, говоритъ Пестель; согласно первому изъ нихъ, земля не можетъ быть ничьей собственностью: «земля есть общая собственность всего рода человѣческаго, а не частныхъ лицъ, и посему не можетъ она быть раздѣлена между нѣсколькими только людьми, за исключеніемъ прочихъ»; согласно второму изъ этихъ мнѣній, наоборотъ, трудъ, вложенный въ землю, является источникомъ собственности на нее, собственности тѣмъ болѣе необходимой, что пользованіе землей (напр., общинное) «не допустить земледѣлія къ усовершенствованію» (мы знаемъ, что именно такимъ было мнѣніе Н. Тургенева): «а посему и должна вся земля быть соб-

ственностью нѣсколькихъ людей, хотя бы симъ правиломъ и было большинство людей отъ обладанія землей исключено»... По мнѣнію Пестеля, оба эти взгляда «заключенія свои до крайности доводятъ», хотя каждое изъ нихъ и содержитъ въ себѣ много истиннаго и справедливаго: *и общинное землепользованіе и частная собственность на землю должны существовать рядомъ другъ съ другомъ и служить другъ другу коррективами.* Съ одной стороны, никто не можетъ быть лишень права обладанія паемъ земли, а потому половина всѣхъ земель должна быть общественной собственностью, «всему волостному обществу совокупно принадлежать и неприкосновенную его собственность составлять»; земля эта «будетъ предназначена для доставленія *необходимаго* всѣмъ гражданамъ безъ изъятія и будетъ подлежать обладанію всѣхъ и cadaго». Но, съ другой стороны, «право собственности... есть право священное и неприкосновенное» ¹⁾, и такое право распространяется на вторую половину всѣхъ земель; земля эта, «будучи предназначена для образованія частной собственности, служить будетъ къ доставленію *изобилія*». Такъ примиряются оба противоположные взгляда на земельный вопросъ: «земля общественная будетъ удовлетворять справедливымъ заключеніямъ перваго общественного мнѣнія, а земли частныя — втораго мнѣнія» («Русская Правда», гл. III, § 11 и гл. IV, §§ 9—12). Мы не имѣемъ возможности останавливаться, на частностяхъ этого замѣчательнаго проекта — на дѣленіи *всѣхъ* гражданъ по волостямъ, т.-е. на принудительномъ вселеніи въ общину, на способахъ принудительнаго отчужденія частныхъ земель, на срокѣ осуществленія всей реформы, на способѣ дѣленія общинной земли на паи для житья одного тягла на каждомъ, на срокѣ

¹⁾ Это затасканное и запачканное теперъ восхваленіе «священнаго права собственности» сдѣлано Пестелемъ вовсе не съ точки зрѣнія защиты своихъ классовыхъ интересовъ: онъ повторяетъ здѣсь только знакомыя намъ положенія Пнина, для котораго принципъ собственности былъ аргументомъ освобожденія крестьянъ съ землей и противопоставленія этого «священнаго» принципа неограниченнымъ правамъ абсолютизма. «Имѣть собственность» — значило и для Пнина и для декабристовъ «имѣть права» (см. объ этомъ въ первомъ письмѣ изъ крѣпостца Каховскаго) и самъ Пестель подчеркиваетъ эту мысль, заявляя, что собственность должна быть неприкосновенна, «дабы каждый гражданинъ въ полной мѣрѣ увѣренъ былъ въ томъ, что никакое самовластіе не можетъ лишить его ниже малѣйшей части его права»... («Русская Правда», гл. V, § 7). Это не мѣшаетъ Пестелю сейчасъ же признать необходимость принудительнаго отчужденія частной собственности, если «неминуемо того требуетъ благо общее»... Какъ все это современно и въ началѣ XX-го вѣка!...

землепользованія, на свободномъ выходѣ изъ общины, на учрежденіи мелкаго кредита («волостного банка») и т. д., и т. д.; для подробнаго ознакомленія съ этимъ детально разработаннымъ планомъ отсылаемъ читателя къ самой «Русской Правдѣ» и ограничиваемся только вторичнымъ подчеркиваніемъ основнаго смысла проекта Пестеля: смыслъ этотъ заключается въ признаніи того положенія, что въ земельномъ вопросѣ частновладѣльческой и общинный принципы могутъ служить коррективами другъ другу. Это положеніе особенно интересно для насъ потому, что его почти дословно повторилъ впослѣдствіи Чернышевскій, который, какъ мы увидимъ, подобно Пестелю защищалъ «государственную собственность съ общиннымъ владѣніемъ» и думалъ (раздѣляя въ этомъ мнѣніи Кавелина), что распространеніе въ то же время между крестьянами частной поземельной собственности является утѣшительнымъ для равновѣсія нашего сельскаго уклада, равно какъ и общинный принципъ является лучшимъ средствомъ для избѣжанія «язвы пролетаріата» (т. II, гл. I). Исторія русскаго экономическаго развитія послѣдней четверти XIX-го вѣка наглядно вскрыла явную ошибку предположенія о взаимномъ уравнивающимъ вліяніи принциповъ общиннаго и частновладѣльческаго; но это не дѣлаетъ проектъ Пестеля менѣе замѣчательнымъ и оставляетъ его попрежнему шагнувшимъ на полъ-вѣка впередъ отъ окружавшей Пестеля современности. Въ проектѣ Пестеля мы имѣемъ первые зачатки социализма, который со второй половины XIX-го столѣтія сталъ господствующимъ міровоззрѣніемъ среди русскои интеллигенціи.

Среди декабристовъ у Пестеля было много сторонниковъ, подъ его вліяніемъ были почти всѣ члены Южнаго Общества, но зато почти всѣ сѣверяне относились къ планамъ Пестеля отрицательно; основанія его соціальной реформы и даже его демократически-республиканской революціи были для большинства изъ нихъ совершенно неприемлемы. Достаточно прочесть въ показаніяхъ и воспоминаніяхъ декабристовъ тѣ мѣста, которыя относятся къ пребыванію Пестеля въ мартѣ и апрѣлѣ 1824 года въ Петербургѣ, чтобы убѣдиться въ томъ, что между Южнымъ и Сѣвернымъ Обществомъ не могло быть идейнаго сліянія или даже соглашенія, а могъ быть только временный союзъ изъ-за тактическихъ соображеній. Едва ли близки къ истинѣ показанія нѣкоторыхъ декабристовъ (Рылѣва, Поджіо и др.), что сѣверяне отвергли «Русскую Правду» только изъ-за побужденій личнаго свойства—опасеній стремленія Пестеля къ диктаторству и т. п.; причины расхожденія лежатъ глубже: тутъ дѣло не въ Пестелѣ съ одной сто-

роны и Н. Муравьевъ или Н. Тургеневъ съ другой, а въ республиканско-демократической программѣ перваго и монархически-аристократической программѣ второго, въ полу-соціалистическихъ воззрѣніяхъ перваго и экономическомъ либерализмѣ третьяго. Никита Муравьевъ не могъ принимать не только соціальной программы Пестеля, но и его политическихъ идеаловъ; Н. Тургеневъ не могъ принимать не только политическихъ воззрѣній Пестеля, но и его соціальной программы; оба они вели противъ Пестеля упорную борьбу. По показаніямъ Матвѣя Муравьева-Апостола «Н. Тургеневъ не согласился на принятіе плана конституціи Пестеля; онъ никакъ не хотѣлъ допустить раздѣленія земли, говоря, что, не мѣшая промышленности, земли непримѣтнымъ образомъ сами собою раздѣлятся. Мнѣніе Н. Тургенева очень подѣйствовало на всѣхъ членовъ Сѣверной Управы»... Самъ Тургеневъ въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ, что главное вниманіе Пестеля было поглощено «соціальными теоріями, выработанными имъ и нѣкоторыми изъ его друзей ¹⁾... Онъ надѣялся найти во мнѣ новаго сторонника, но это ему не удалось»... Онъ сравниваетъ далѣе теоріи Пестеля съ «геніальными утопіями» Фурье и Оуена, соглашается, что теоріи эти могутъ возбудить восхищеніе и могутъ быть даже полезны; но при всемъ этомъ онъ относится къ построеніямъ Пестеля крайне отрицательно. «Я старался по возможности разбить ихъ аргументы—разсказываетъ Н. Тургеневъ,—но это было не легко; опровергнуть инья теоріи трудно; нѣкоторыя настолько нелѣпы, что не знаешь, съ какого конца къ нимъ подойти» («La Russie et les Russes», I, 175—179)... Въ высшей степени характерное признаніе безпомощности того либерализма, представителемъ котораго былъ Н. Тургеневъ, передъ слабыми начатками соціализма Пестеля! И сколько разъ въ послѣдствіи повторялась та же самая исторія! Достаточно вспомнить хотя бы то избіеніе вилеємскихъ младенцевъ, какимъ въ сущности была борьба соціалиста Чернышевскаго съ разными Вернадскими и Бабстами, профессорами политической экономіи и *savantissimis doctoribus* экономическаго либерализма... Въ области экономическихъ вопросовъ Н. Тургеневъ былъ несомнѣнно *savantissimus doctor* по сравненію съ Пестелемъ; и однако соціально-экономическія теоріи перваго не могутъ быть даже и сравниваемы по широтѣ и глубинѣ захвата съ теоріями второго. И если Н. Тургеневъ оказался родоначальникомъ русскаго экономическаго либерализма, то Пестель является первымъ представителемъ зарождающейся соціалистической русской мысли.

¹⁾ Онъ вѣроятно имѣетъ въ виду вліяніе племянника-Новикова на Пестеля въ вопросѣ о республиканской формѣ правленія.

Конечно, наивно было бы предполагать, что мы имѣемъ у Пестеля ясно сознанную социалистическую идею; мы находимъ у него только намеки на нее, находимъ и рядъ несамостоятельныхъ построеній въ области чисто экономической. Пестель находился подъ несомнѣннымъ вліяніемъ школы физиократовъ, но въ то же самое время Пестель усердно изучалъ и Ж.-Б. Сэя, отъ котораго заимствовалъ и основныя положенія экономического либерализма; соединеніе физиократизма съ фритредерствомъ—такъ могутъ быть охарактеризованы экономическія воззрѣнія Пестеля. Онъ заявляетъ, что народное благосостояніе должно быть цѣлью правительства, но что «пріобрѣтеніе его должно быть предоставлено каждому члену гражданскаго общества особенно», а ролью правительства является только «дарованіе защиты» и «удаленіе тѣхъ препятствій, которыя бы могли превышать силы и способы частныхъ людей» («Русская Правда», гл. I, § 9); въ другомъ мѣстѣ онъ повторяетъ эту же мысль, относя ее болѣе правильно не къ народному благосостоянію, а къ національному богатству (Id., гл. III, § 7): мы видѣли, что уже Радищевъ раздѣлялъ эти понятія и увидимъ впослѣдствіи, что такое раздѣленіе легло въ основу экономическихъ воззрѣній Чернышевскаго и всего народничества. Какъ бы то ни было, но Пестель принималъ принципъ экономической свободы, хотя и не доходилъ до теоріи невмѣшательства правительства, до принципа *laissez faire, laissez aller*, признавая необходимость этого вмѣшательства хотя бы для «дарованія защиты» частнымъ людямъ. Однако Пестеля главнымъ образомъ занимаетъ не національное богатство, а народное благосостояніе; не фабрика, а земля; не городъ, а деревня; и въ этомъ онъ всецѣло стоитъ на точкѣ зрѣнія физиократовъ. Къ городу Пестель относится совершенно отрицательно; въ своемъ проектѣ дѣленія государства на волости (своего рода «мелкая земская единица») онъ заботится, чтобы онѣ не были слишкомъ многочисленны, ибо «большія волости, будучи волости цѣльныя, указываютъ на большіе города, а большіе города чрезвычайно вредны, особенно для нравственности, которая признана быть должна первымъ богатствомъ каждаго народа»... Конечно, въ странѣ будутъ и большіе города («ибо не всякій житель есть членъ волости»), но все-таки такое отношеніе къ большимъ культурнымъ и промышленнымъ центрамъ для Пестеля крайне характерно: для него центръ тяжести лежитъ не въ городѣ, а въ деревнѣ («Русская Правда», гл. I, § 5). Въ другомъ мѣстѣ, говоря о сословіи мѣщанъ, Пестель замѣчаетъ, что мѣщанъ много, а земель (городскихъ) мало; «сіе происходитъ—говоритъ онъ—отъ того, что всѣ мѣщане состоятъ приписанными къ

городамъ. Сверхъ того рождается отъ сего и распространяется между людьми мысль, что земледѣліе есть послѣдній изъ всѣхъ промысловъ и что всѣ прочіе почетнѣе его, между тѣмъ какъ земледѣліе, будучи самое необходимѣйшее, должно бы гораздо болѣе быть въ уваженіи и почтеніи, особенно въ Россіи, коей главнѣйшее богатство именно въ земледѣліи состоитъ» (Id., гл. III, § 8). Это является повтореніемъ положеній фізіократизма, особенно процвѣтавшаго въ Россіи въ шестидесятихъ и семидесятихъ годахъ XVIII-го вѣка подъ покровительствомъ Екатерины II; но въ то время какъ фізіократы той эпохи приходили къ заключенію о необходимости исключительно частной земельной собственности, Пестель смѣло подошелъ къ идеѣ своего рода аграрнаго соціализма.

Если мы зададимся вопросомъ, каковы этико-соціологическія основанія соціально-экономическихъ воззрѣній Пестеля, то увидимъ, что онъ исходилъ изъ тѣхъ же положеній, какъ и Н. Тургеневъ, и Н. Муравьевъ, и вообще большинство декабристовъ. Стремленіе отъ абстрактнаго человѣка къ реальной личности, отмѣченное нами выше, было присуще и Пестелю; но и онъ и вообще декабристы были далеки отъ знакомой намъ ошибки сентиментализма, который въ своемъ стремленіи къ реальной личности порвалъ всякія связи съ абстрактнымъ человѣкомъ. Декабристы были далеки отъ соціологическаго номинализма; они оперировали съ понятіемъ не суммы индивидовъ, а «гражданскаго общества», понимая подъ обществомъ группу людей, соединившуюся для достиженія—подчеркиваетъ Пестель—какой-либо цѣли («Русская Правда», Введеніе, § 1); свои политическіе идеалы они обосновывали на утилитаризмъ Бентама послѣдователемъ котораго былъ еще Пнинъ, принимавшій за цѣль общественной жизни «величайшее блаженство величайшаго числа людей (см. гл. I). На этой же точкѣ зрѣнія стоялъ подобно большинству декабристовъ и Пестель, и поскольку онъ стоялъ на ней, постольку онъ былъ представителемъ анти-индивидуализма. Онъ повторяетъ слова Пнина и развиваетъ идеи Бентама, заявляя, что «истинная цѣль государственнаго устройства должна непремѣнно быть—возможно бѣльшее благоденствіе многочисленнѣйшаго числа людей въ государствѣ», что поэтому «благоденствіе общественное должно считаться важнѣе благоденствія частнаго» («Русская Правда», Введеніе, § 6); тутъ же онъ подчеркиваетъ, что цѣль эта недостижима при пожертвованіи большинствомъ меньшинству—мысль эту мы видѣли у Фонвизина—и что идеаломъ является «благоденствіе всего общества вообще и каждаго изъ членовъ онаго въ особенности», «возможно бѣльшее благоденствіе всѣхъ и каждаго» (Id.,

Введение, § 3 и гл. III, § 4). Изъ всего этого видно, что Пестель не былъ крайнимъ представителемъ утилитаризма, а слѣдовательно и анти-индивидуализма (впослѣдствіи мы увидимъ, что утилитаризмъ является ясно выраженнымъ этическимъ анти-индивидуализмомъ); но все-таки и утилитаризмъ и рационализмъ являются характерными для Пестеля, какъ и для большинства декабристовъ—и въ этомъ ихъ тѣсная связь съ рационалистическими поколѣніями и шестидесятыхъ годовъ XVIII-го и шестидесятыхъ годовъ XIX-го вѣка. Пестель, подобно энциклопедистамъ XVIII-го столѣтія, непоколебимо убѣжденъ, что «народы вездѣ бываютъ таковыми, каковыми ихъ содѣлываютъ правленіе и законы, подѣ коими они живутъ» («Русская Правда», гл. II, § 16; ср. *ibid.*, § 2); онъ рационалистъ до мозга костей, что сказывается даже въ чисто формальныхъ его построеніяхъ, чисто внѣшнихъ формахъ (см., напр., «Русск. Правду», гл. I, §§ 6—17). Въ религіи онъ деистъ, какъ и почти всѣ декабристы—это подтверждаетъ между прочимъ въ своихъ показаніяхъ Н. Бобринцевъ-Пушкинъ; когда же онъ становится вѣрующимъ христіаниномъ, то, разумѣется, впадаетъ въ піетизмъ, такъ характерный для вѣрующихъ изъ декабристовъ (напр., для барона Розена). Пестель былъ убѣжденъ, что религіозная вѣра вполнѣ зависитъ отъ чисто разсудочныхъ построеній; крайне любопытна съ этой точки зрѣнія его мысль, сохраненная въ показаніяхъ Поджіо—немедленно по завершенія политической и соціальной революціи въ Россіи «удалиться въ Кіево-Печерскую лавру и сдѣлать схимникомъ»... Это что за мысль?» спросилъ удивленный Поджіо.—«Тогда я возьмусь за вѣру», отвѣтилъ Пестель. За вѣру, по его мнѣнію, можно «взяться», какъ за рѣшеніе математической задачи... Когда-то, въ разговорѣ съ Пушкинымъ, Пестель сказалъ про себя: «mon coeur est matérialiste, mais ma raison s'y refuse»; какъ великолѣпно это характеризуетъ рационалистическую сущность характера Пестеля! Мы склонны были бы ожидать болѣе обыкновеннаго, обратнаго построенія фразы («ma raison est matérialiste, mais mon coeur s'y refuse»), такъ какъ именно со стороны разсудка мы имѣемъ обыкновенно тѣ рационалистическіе импульсы, противъ которыхъ можетъ протестовать «сердце», внутреннія чувствованія и романтическія стремленія человѣка, но Пестель не ошибся въ своей характеристикѣ: у него дѣйствительно «сердце» было рационалистическимъ, а «умъ» былъ съ сердцемъ въ полномъ ладу, съ рѣдкими вспышками протеста. Когда Пестель по совершенно другому поводу и при другихъ обстоятельствахъ сказалъ про себя: «сердце мое, поистинѣ, нисколько не участвовало въ томъ, что творила голова» (письмо къ родителямъ изъ крѣпости, отъ 1 мая 1826 г.), то,

конечно, не опровергъ этимъ первой своей характеристики, блестяще сдѣланной имъ Пушкину.

Рационалисть до глубины души—таковъ Пестель, таково и большинство декабристовъ. На рационалистической основѣ строили они и исходный пунктъ своей теоріи политическаго либерализма—естественное право, всецѣло слѣдуя въ этомъ за рационалистами XVIII-го вѣка и толкуя принципъ естественнаго права главнымъ образомъ съ точки зрѣнія общественной. «...Справедливость въ законахъ требуетъ,—пишетъ Пестель,—чтобы они были одинаковы для всѣхъ членовъ гражданскаго общества и на всѣхъ сихъ членовъ бы взирали равнымъ образомъ; ибо всѣ люди, получивъ отъ природы равныя права и находясь въ гражданскомъ обществѣ для одной и той же цѣли, не должны такимъ образомъ быть различны, чтобы одни пользовались выгодами и преимуществами, на коихъ другіе и надежды бы даже не имѣли». Такимъ образомъ идея естественнаго права служитъ Пестелю для обоснованія демократическаго принципа; этическое значеніе этой идеи Пестель оставляетъ совершенно въ сторонѣ, и вслѣдъ за нимъ идутъ всѣ декабристы, но зато она является могучимъ рычагомъ освободительныхъ тенденцій русской интеллигенціи, ея борьбы за раскрѣпощеніе абстрактнаго человѣка. Идея естественнаго права, имѣвшая такое громадное значеніе въ міровоззрѣніи русской интеллигенціи второй половины XVIII-го вѣка, а впослѣдствіи смягченная и переработанная *ad usum delphini* сентименталистами, снова возрождается въ прежней чистотѣ у декабристовъ и служитъ обоснованіемъ ихъ идеологіи. «Всѣ ли люди свободны?—спрашиваетъ Н. Муравьевъ въ своемъ знаменитомъ Катехизисѣ, и отвѣчаетъ:—нѣтъ, малое число людей поработило большее... Однимъ пришла несправедливая мысль господствовать, а другимъ—подлая мысль отказаться отъ природныхъ правъ человѣческихъ, дарованныхъ самимъ Богомъ»... Выводъ былъ очевиденъ: права эти надо снова добыть, свободу надо завоевать; и идея естественнаго права приводила такимъ образомъ къ центральной мысли о необходимости политическаго, а вслѣдъ за нимъ и соціальнаго переворота. Декабристы доводили идею естественнаго права до ея логическаго конца. Но въ то же время они давали естественному праву исключительно общественное истолкованіе, на чтò мы уже указывали, говоря о Радищевѣ. Современное намъ трансцендентально-нормативное толкованіе естественнаго права является глубоко индивидуалистическимъ, какъ мы это покажемъ въ своемъ мѣстѣ (т. II, гл. VIII); рационалистическое пониманіе его декабристами было показателемъ антииндивидуалистическихъ тенденцій въ ихъ міровоззрѣніи. Рационализмъ

этотъ въ свою очередь является показателемъ того, отмѣтимъ это кстати, что декабристы не были причастны романтизму, хотя и стремились въ сферѣ литературы быть романтиками. Идеологіей декабристовъ былъ, конечно, романтизмъ,—не тотъ романтизмъ, который увлекаетъ «за предѣлы предѣльнаго», а тотъ псевдо-романтизмъ, который былъ характеренъ для русской литературы той эпохи; быть можетъ, только въ области общественнаго движенія декабристы приближались и къ дѣйствительному романтизму. Въ области же литературы они вполне естественно тяготѣли къ байронизму, и Пушкинъ въ эпоху «Кавказскаго Пльнника» и «Цыганъ» хотѣлъ быть ихъ идеологомъ; бурный псевдо-романтизмъ многихъ декабристовъ (Рылѣевъ, Бестужевъ, Кюхельбекеръ и др.) подчеркивалъ въ то же время ихъ связь съ широкимъ общественнымъ теченіемъ, увлекшимъ тогда всю русскую интеллигенцію, объединенную могучимъ освободительнымъ порывомъ, идеаломъ полнаго и окончательнаго раскрѣпощенія абстрактнаго чело-вѣка. Объ этомъ, впрочемъ, мы еще скажемъ нѣсколько словъ въ началѣ слѣдующей главы; теперь же подведемъ общіе итоги нашему знакомству съ міровоззрѣніемъ декабристовъ:

Прежде всего мы можемъ теперь категорически заявить: да, декабристы были представителями русской интеллигенціи, внѣклассовой и внѣсословной по своимъ идеаламъ группой; пусть это относится не ко всемъ декабристамъ, а только къ части ихъ, но зато эта часть стояла дѣйствительно на такой идейной высотѣ, что теченіе декабризма будетъ всегда исторической реликвіей русской интеллигенціи. Достаточно намъ вспомнить горячіе протесты Н. Тургенева противъ расширенія какихъ бы то ни было дворянскихъ правъ, достаточно вспомнить яркій и смѣлый демократизмъ Пестеля, чтобы видѣть, какъ русская интеллигенція двадцатыхъ годовъ сама подняла оружіе противъ своихъ же классовыхъ интересовъ. Графъ Растопчинъ, этотъ типичный образецъ воплощенной сословности и классовости (если возможно такое словообразованіе), иронически замѣтилъ послѣ 14-го декабря 1825 г., что во Франціи «чернь» произвела революцію, чтобы стать аристократіей — въ этомъ былъ смыслъ; въ Россіи же аристократія сама произвела революцію въ пользу черни— это уже прямая бессмыслица. Графъ Растопчинъ и не подозрѣвалъ глубокаго, серьезнаго смысла своихъ словъ, онъ и не подозрѣвалъ, что вскрываетъ своими словами типичную особенность русской интеллигенціи: да, дѣйствительно декабристы шли сами противъ себя, противъ своихъ сословныхъ и классовыхъ интересовъ; но именно это и показываетъ, что декабристы поднялись выше этихъ сослов-

ныхъ и классовыхъ интересовъ, что они вступили въ ряды внѣ-сословной и внѣклассовой русской интеллигенціи и съ беззавѣтной вѣрой въ идеалъ, съ энтузіазмомъ и со страстной любовью къ отечеству (по выраженію Пестеля) направились по тому пути, который уже былъ обозначенъ въ прошедшемъ ссылкой Радищева, шлисельбургскимъ заточеніемъ Новикова, и которому предстояло быть отмѣченнымъ, послѣ неудачнаго декабрьскаго возстанія, пятью ви-сѣлицами 13-го іюля 1826 г. и каторжными работами десятковъ декабристовъ.

Второй выводъ, къ которому мы пришли, заключается въ рас-члененіи декабризма на три параллельныхъ, а иногда и переплетаю-щихся идейныхъ теченія. Высшей точки декабризма достигъ Пестель, синтезировавшій въ своемъ міровоззрѣніи и политическое и социаль-ное теченія декабризма и кромѣ того сдѣлавшій гигантскій шагъ на поль-столѣтія впередъ въ своемъ аграрномъ социализмѣ. По тремъ изученнымъ нами теченіямъ размѣщаются всѣ декабристы, обладая притомъ каждый своими индивидуальными варіаціями. Спѣшимъ под-черкнуть, что такое дѣленіе, конечно, не болѣе, какъ схема; но вѣдь схемой является всякая систематизація нашихъ знаній, и весь вопросъ въ томъ, умѣщается ли живая дѣйствительность на прокрустово ложе той или иной схемы? Мы полагаемъ, что указанное нами дѣленіе не насилуетъ дѣйствительности; внимательное изученіе декабризма вполне естественно приводитъ къ раздѣленію его на три направленія, харак-теризующіяся формулами: примать политическаго надъ социальнымъ, примать социального надъ политическимъ и къ социальному черезъ политическое. Послѣдней формулѣ суждено было одержать идейную побѣду надъ двумя первыми.

Въ заключеніе два слова о значеніи двадцатыхъ годовъ для дальнѣйшаго развитія русской общественной мысли. Значеніе это гро-мадно и съ внутренней и съ внѣшней стороны. Что касается первой, то мы уже выше отмѣчали связь декабризма съ послѣдующими по-строеніями русской мысли; не меньшее значеніе имѣлъ и самый фактъ 14-го декабря. «Въ нравственномъ отношеніи вліяніе событія 14-го де-кабря было огромно,—говоритъ Герценъ;—пушки на исаакіевской пло-щади разбудили цѣлое поколѣніе» — и какъ-разъ то поколѣніе, къ которому принадлежалъ Герценъ. Это прекрасно понимали и сами де-кабристы. «...Мы начнемъ,—сказалъ Рылѣевъ за день до возстанія;— я увѣренъ, что погибнемъ, но примѣръ останется»... «Предвижу, что не будетъ успѣха,—часто говорилъ Рылѣевъ задолго до возстанія, — но потрясеніе необходимо. Тактика революціи заключается въ одномъ

словъ: *держай*, и ежели это будетъ несчастливо, мы своей неудачей научимъ другихъ»... (изъ воспоминаній Н. Бестужева). И дѣйствительно, декабристы погибли; но немного выиграло отъ этого правительство. Каховскій, стоя передъ висѣлицей, сказалъ вѣщія слова: «щуку поймали, а зубы остались»... И никакія усилія угнетающей системы официальнаго мѣщанства не помогли Николаю вырвать у русской интеллигенціи ея идеалы и вытравить самую память о декабристахъ. «Отъ людей можно отдѣлаться, но отъ ихъ идей—нельзя!»—писалъ декабристъ Лунинъ изъ сибирской ссылки. И каковы бы ни были нити, связующія декабристовъ съ общимъ теченіемъ русской мысли, несомнѣнно во всякомъ случаѣ одно: въ декабристахъ мы имѣемъ первую попытку перехода отъ теорій къ практикѣ, отъ мечтаній къ дѣйствию; въ этомъ связь между 1825-мъ и 1905-мъ годами. Борьба за политическое освобожденіе для соціальнаго переустройства—въ этомъ связь декабризма со всѣмъ послѣдующимъ развитіемъ русской общественной мысли.